

**СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. КОЗЫБАЕВА**

Кафедра «Ассамблея народа Казахстана»

ЭТНОПОЭТИКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

методическое пособие

**Петропавловск
2015**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**
**Северо-Казахстанский государственный университет
им. М Козыбаева**

**ЭТНОПОЭТИКА КАК СРЕДСТВО
ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ**

методическое пособие

**Петропавловск
2015**

УДК 811.161.1'367

ББК 81.2-2

Э 90

*Издаётся по решению научно-методического объединения
кафедры «Ассамблея народа Казахстана»
Северо-Казахстанского государственного университета
им. М. Козыбаева (протокол №3 от 5.06.2015 г.)*

Рецензент:

доцент кафедры русского языка и литературы
СКГУ им. М. Козыбаева *А. Ю. Леонтьева*

Под редакцией доктора фил. наук проф. *З. П. Табаковой*

Э 90 Этнопоэтика как средство воспитания толерантности
в поликультурном обществе: методическое пособие /
З. Табакова, Л. Бочкова, С. Мисяченко, И. Оспанова. –
Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2015. – 115 с.

Методическое пособие включает теоретическое обоснование изучения этнического в поэзии североказахстанских поэтов, методические приёмы этнопоэтического анализа, предоставляет богатый материал для культурно-лингвистического краеведения.

Методическое пособие предназначено для студентов вуза, преподавателей школ и колледжей, работников библиотек и организаций «Ассамблеи народа Казахстана».

УДК 811.161.1'367

ББК 81.2-2

© Табакова З., Бочкова Л., Мисяченко С., Оспанова И., 2015
© СКГУ им.М.Козыбаева, 2015

*Система менеджмента качества СКГУ им. М.Козыбаева
сертифицирована на соответствие требованиям ISO 9001:2008*

Глава 1 Этническое в поэзии

Культура как удовлетворение материальных потребностей понимается как цивилизация, удовлетворение духовных потребностей народа рассматривается как собственно культура. Развитие этих двух форм культуры не всегда гармонично. Цивилизованные страны могут уступать в духовности и нравственности менее развитым в материальном отношении странам. Никто не будет спорить, что Америка – одна из самых цивилизованных стран. Но позвольте привести рассказ одного из американцев. Учёный из США торопился на международную конференцию в Петропавловск. По дороге из Астаны машина, на которой он ехал, сломалась. Все иностранцы, сидящие в этой машине, поняли, что им придётся всю ночь сидеть в машине. Однако вскоре возле их машины остановились совершенно незнакомые им люди. Эти люди исправили им неполадки в машине и сопровождали американцев до самого Петропавловска. Благодарный учёный рассказал эту историю на конференции и закончил свой рассказ возгласом: «У нас так не бывает!». А нам остаётся только радоваться, что «у нас так бывает». И постараться сохранить доброту и отзывчивость в своём менталитете.

В последние годы идёт процесс переосмысления объективно-исторического развития человечества. Уходят в небытие теории, делившие людей на «варваров» и просвещённых, делившие языки на «правильные» и «примитивные». На смену им приходит идея о самобытности культуры каждого народа, о праве на существование и развитие языков всех этносов. Изменившаяся геополитическая ситуация в мире проявила противостояние ценностных доминант западной и восточной культур. Так, по данным американских социологов, их ценностная характеристика не совпадает по таким важным доминантам, как деньги, лидерство, равенство женщин, которые в западной культуре ставятся на первое место, в восточной культуре занимают третье или второе место (равенство женщин). В восточной культуре на первое место выдвигается

материнство (в западной культуре – второе место), уважение к старшим, скромность, что в западной культуре считается несущественным.

Как видим, цивилизация не определяет нравственные ценности народа. В обустроенности жизни людей цивилизованные страны добились большого успеха, и на постсоветском пространстве идёт процесс активного освоения благ цивилизации. Но что запад предложил народам вновь возникших суверенных государств на постсоветском пространстве в духовной культуре? Конкурсы красоты, фильмы ужасов, поведение «без комплексов», половую свободу. Эти символы демократических свобод не вписываются в традиции этносов. Д. С. Лихачёв в статье «Экология культуры» утверждает: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» (Лихачёв 1989:5).

Элементы национальной культуры формируют ментальность человека, основные концепты которого передаются из поколения в поколение закреплёнными языковыми знаками, декодирование которых на речевом уровне не всегда адекватно. Такие знаки как сплав лингвистического и экстралингвистического получили название лингвокультурем. Лингвокультуремы своими корнями уходят в мифологическое прошлое народа, в его фольклорное творчество как акта проявления коллективного бессознательного. Фольклорные источники представлены пословицами, поговорками, песнями, мифами, заговорами и т.д. Употребление лингвокультурологической лексики – свидетельство этнокультурной принадлежности автора.

Обращённость к человеческому фактору является одной из отличительных черт современной лингвистики. Многие лингвокультуремы стали символами русской языковой картины мира. Белая и стройная *берёза*, *русское поле*, широкое и

раздольное, *земля-матушка* и *хлеб-батюшка* определяют ценностные ориентиры русского народа. Национально-культурная специфика слова предполагает включение всего лексического фона, с которым связывается употребляемое слово. Фоновые слова, отражая характерные черты народа, тесно связаны с его культурой. Среди них особое место занимает лингвокультурема *хлеб*. Земледелие с древнейших времён было главным занятием славян, главным продуктом их питания был хлеб. Неотъемлемым атрибутом обеденного стола хлеб остался и по сей день. В словаре С. И. Ожегова хлеб толкуется как пищевой продукт, выпекаемый из муки. Хлеб неразрывно связан с культурой русского народа. Встречая высоких гостей, хозяева выходили на крыльцо с рушником, на котором красовался каравай, а на нём – солонка с солью. Подобным образом проводился и обряд благословления молодых. Хлеб издревле считался символом жизни, необходимым условием существования человека. Не столь важным считалось, каким был разрезаемый за столом каравай: белым, серым или чёрным. Главное – чтобы он был. У славян хлеб почитался святыней ещё со времен язычества. Не утратил хлеб своей значимости и с принятием на Руси христианства, где он почитается плотью Христовой и используется при причастии. Почитается хлеб и по сей день, так как и сегодня дорогих гостей встречают хлебом – солью.

Существует огромное количество пословиц, поговорок и устойчивых выражений, в которых отражена особая роль хлеба в жизни русского человека.

Хлеб-батюшка, водица-матушка.

Хлеб выкормит, вода вымоет.

Хлеб всему голова.

Не держи денег в узлу, держи хлеб в углу.

Как хочешь зови, только хлебом корми.

Худ обед, коли хлеба нет.

Калач приестся, а хлеб – никогда.

Хлебу придавали ореол святости:

Бог на стене, хлеб на столе.

Дай Бог покой, да хлеб святой!

Уважение к хлебу насущному пронизывает русские устойчивые выражения: «Хлеб на стол – и стол престол». Трепетное отношение к хлебу метонимически переносится на стол, который воспринимается как престол, что, согласно словарю В. И. Даля, означает «священное место, как представительство высшего, на небесах и на земле». Ментальность русского человека не позволяет ему сесть на стол и положить ноги на стол (вспомним русскую пословицу: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол»); в то время как для представителей других культур и то и другое является обычной позой даже в учебной аудитории.

Издавна хлеб является символом благополучия и достатка. Не случайно пение подблюдных песен, как этого требовал древний обычай, начиналось с провозглашения славы хлебу: Хлебу да соли долог век, слава!

Похвальная песня хлебу и соли предвосхищала песенные гадания об удаче в хозяйственных делах. До наших дней сохранился ритуал свадебного обряда, когда мать жениха встречает молодых хлебом и солью, что символизирует пожелания молодым согласия и достатка в семье. Существовали специальные жнивные песни, которые пелись во время уборки хлеба или в преддверии её.

Эй, жатва, милая жатва,
Здравствуй, с новым хлебом!
Эй, его нажнём мы
Под широким небом!

Мотив хлеба находит отражение в классической русской поэзии. Велимир Хлебников пишет:

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака.

Сама фамилия поэта также отражает ментальность русского человека. В русском ономастике мы найдём десятки фамилий, прямо или косвенно связанных с семантикой слова *хлеб*: Хлебов,

Бесхлебнов, Блинов, Блинков, Пирогов, Пирожков, Булкин, Булочкин, Ковригин, Коврижкин и т.д.

Как символ Родины, родного края хлеб представлен в поэзии Сергея Есенина:

Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях, и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Мотив Родины при описании хлебной нивы звучит и в стихах Владимира Шестерикова:

И шелестят колосья мягкозвучно,
Душевно шепчут мне наперебой:
«Ты не найдёшь родной сторонки лучше,
Живём с тобой одною мы судьбой».

Хлеб – символ солнца. Считается, что тот, кто делится хлебом с окружающими, отдаёт им частичку тепла, добра, заботы дневного светила. За время роста на ниве хлеб впитывает в себя энергию яркого солнца, его свет и цвет, его тепло. Не случайно зрелые колосья по цвету напоминают солнце:

... будет нынче хлеба вдоволь,
Будут пышны калачи в печи,
По-хозяйски в поле заскирдованы
Солнечные тёплые лучи.

В. Шестериков

Хлеб как одно из ментальных понятий накладывает отпечаток и на восприятие реальной действительности, внося этническое в художественные образы. У Сергея Есенина в стихах о Родине луна похожа на хлеб:

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною над сводом
Надломлена твоя луна.

Сравнение месяца с ковригой встречается и в творчестве североказахстанских поэтов:

И месяц улёгся ковригой
На звёздный искрящийся снег.

Лежит, хоть на вкус его пробуй!
Дыханием неба согрет...

А. Пряников

Получается, что в хлебе воплотили свою энергию и солнце, и луна. Хлеб таким образом становится явлением космическим, а лингвокультурема *хлеб* глобальной в языковой картине мира русского человека.

Хлеб – один из старейших продуктов на земле. Известны примитивные зернотёрки, которым насчитывается более пяти тысяч лет. В вулканическом пепле сохранились остатки хлеба Помпеи, погибшей около двух тысяч лет назад во время извержения вулкана Везувия. Широко известен и другой пример: в толще ила пролежал кусочек хлеба шесть тысяч лет, который теперь под стеклянным колпаком сохраняется в Музее хлеба в Цюрихе.

Лингвокультурему *хлеб* можно отнести к числу интернациональных. Так, одна из лучших похвал у французов – хороший, как хлеб. В арабском языке понятия «хлеб», «пропитание», «жизнь» обозначаются одним словом. И всё же в отношении к хлебу русского человека проявляется его национальный, русский характер. Хлеб в России был и остаётся символом труда, благополучия, достатка. «Хлеб да соль!» – приветствуют дорогих гостей; блинами провожают зиму, приветствуя весеннее солнце; пирогами отмечают праздники. «Дорогой наш хлебушек», – говорит малышу любимая мама, и он впитывает это уважительное отношение к хлебу насущному.

В силу разнообразных экономических и культурных связей хлеб как продукт питания занял основательные позиции и у других народов, не занимавшихся земледелием. В газете «Северный Казахстан» (29.07.96) читаем: «В давние времена родилась пословица «Ягода – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова». И это верно, нельзя представить дастархан без хлебного караяя». Это о Казахстане, бывшей Казахской Республике в составе СССР. Но и в далёком Китае хлеб вошёл в национальную кухню, а слово получило новую огласовку – леба.

Яркой лингвокультуремой в русском языке является слово берёза. Денотативное значение слова *берёза* совпадает во всех языках, но коннотативное значение этой лексемы для русского человека тесно связано с образом Родины. Берёза стала для русского человека символом Родины. В образе берёзки поэты, а за ними и читатели, видят черты любимых, матерей. Когда Михаил Иванович Глинка после долгого пребывания в чужеземных странах пересёк границу, он остановил свой экипаж, сошёл с дороги и низко-низко поклонился берёзке. Александр Сергеевич Пушкин вскоре после путешествия по Крыму в декабре 1824 года писал своему другу А. Дельвигу: «...Мы переехали горы (у Кикенеиза) и первый предмет, поразивший меня, была берёза, северная берёза! *Сердце моё* *сжалось*: я начал тосковать о милом полудне, хотя всё ещё находился в Тавриде, всё ещё видел и тополя и виноградные лозы...»

Не минула берёзу и участь мифического дерева. Считалось, что на берёзе находят пристанище души умерших; считалось, что она может избавить от недугов, о чём свидетельствует, например, заговор от сибирской язвы: «Стоит в чистом поле белая берёза. Как она сохнет – иссыхает, чахнет – исчезает от корня и до коры, так бы и у меня, рабицы, скорби-болезни, ветряные переломы сохли-иссыхали, чахли – исчезали от тела, от крови, от кости, от мозгу, от всего стана человеческого» (Афанасьев 2002:189). Берёзе приписывались и целебные свойства. До сих пор народная медицина широко применяет «берёзовые» препараты: берёзовый настой, берёзовый сок, берёзовые почки, берёзовые листья. Полезным считается просто полежать на берёзовом полене или постоять в обнимку с берёзой.

Издавна берёза воспринималась как символ единения земли и неба, души народа с душой природной. Берёза белая – значит, чистая, скромная, женственная, прекрасная. В народной поэзии берёзу называли ласково: *берёзка*, *берёзонька*, *берёзушка*. Лингвокультурема *берёза* занимает особое место в сознании русского человека, в его эмоциональном восприятии

окружающего мира. Берёза, пожалуй, самое поэтическое дерево в России, что нашло своё отражение ещё в славянском фольклоре, когда её стали сравнивать с девушкой. Сравнение берёзки с девушкой вошло в народную традицию, где девушка представлена стройной белой берёзкой, а парень – нежным клёном или могучим дубом.

С конца 19 века берёза в русской литературе становится символом Родины. Ярослав Смеляков восклицал: «Сколько уже берёз прошумело в русской поэзии!» В программном стихотворении М. Ю. Лермонтова «Родина» берёза оказывается в ряду любимых символов Отчизны:

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.

Но никому из русских поэтов не суждено было так воспеть берёзку русскую, как это сделал Сергей Есенин. На концептах русской ментальности построена вся поэзия Сергея Есенина. Даже его внешний облик может служить эталоном русского человека. В его синих глазах отражается синее небо России. Он, с его «вековой просинью», стал естественной частью образа России. Не случайно в его поэзии преобладают оттенки синего, голубого, малинового цвета:

О Русь! *Малиновое* поле
И *синь*, упавшая в реку.
Люблю до радости, до боли
Твою озёрную *тоску*.

Есенин как явление русской культуры впитал в себя всё, что скрывается за понятием «русская душа», «русский характер». Берёза в поэзии С. Есенина сопровождает поэта с первых его шагов по жизни и до глубоких философских размышлений взрослого человека, человека, умудрённого жизнью и тоскующего по уходящей жизни:

Милые берёзовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей тоски.

Его называют *соловьём России*, и это не только высшая оценка певцу, это – лингвокультурема, вмещающая в себя огромный пласт русской культуры; она берёт своё начало от преданий и былин, пословиц и поговорок, воплощаясь в утончённых стихах Александра Блока и русских романсах. В ней вековой опыт и гармония звуков. Поэтому так и тревожат душу русского человека уже первые звуки известной песни «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...». Пожалуй, подобный сплав чувств и мыслей наблюдается ещё только в нескольких песенных произведениях. К ним мы бы отнесли «Вечерний звон», «Как упоительны в России вечера», «Поле! Русское поле» и некоторые другие.

Есенинская «страна берёзового ситца», как и сам облик поэта, стали прецедентными, они известны каждому человеку, воспитанному в русской культурной среде. В любви к берёзе признаётся и Николай Рубцов:

Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз.
Слушаю – и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз.

Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...

Владимир Георгиевич Шестериков родился в 1939 году в Северо-Казахстанской области, в совхозе «Чистовский», где его отец проложил первую целинную борозду. Прикованный с детства на десять лет к больничной койке тяжёлым недугом, Владимир сумел окончить среднюю школу, а затем – историко-филологический факультет Петропавловского педагогического института имени К. Д. Ушинского. После его окончания в 1962 году он всю жизнь посвятил журналистике. Работал литературным сотрудником, заведующим отделом культуры, редактором отдела газеты «Северный Казахстан». Все минувшие десятилетия ответственную работу в газете он

успешно совмещал с литературной деятельностью. Творческую путёвку в поэзию молодому Шестерикову дал большой мастер художественного слова Иван Шухов, который, рекомендуя к печати первый сборник молодого поэта, писал: «Поэзия Владимира Шестерикова проникнута любовью к взрастившей, вскормившей его североказахстанской земле, общей нашей с ним родине. Рад буду видеть Владимира Шестерикова в ряду таких писателей, коих Бог не обидел ни душой, ни талантом!»

Поэт Владимир Шестериков для создания образа берёзы использует красочные эпитеты, метафоры, сравнения. Берёзы у Шестерикова белоствольные, стройные, скромные:

Зато как пойдём за околицу
К считающим вёрсты столбам,
То в поле берёзки поклонятся,
Как русые девушки, вам,
Милее мне нет и желанней
Берёзовой этой страны.

Баллада о берёзе

Берёза у поэта – это исконно русский образ, поэтому оправданы в тексте архаизмы: околица, вёрсты. И даже метафора отражает русский обычай: «в пояс берёзки поклонятся». Своеобразно у поэта и сравнение, благодаря эпитету «русый» возникают ассоциации веток берёзы с длинными светлыми волосами девушки, склонившей голову в поклоне до земли. Белая берёза для В. Шестерикова – это родной край, где человек может обрести покой и гармонию. Берёзе приписываются ценности русской души: отзывчивость и доброта, бескорыстие и чистота, щедрость и сострадание.

Воспринимая берёзку как живое существо, поэты наделяют её душой, способной к человеческим переживаниям.

Берёзки, ветви нагибая,
Грустят на берегу ручья,
Там, где журчит, в реку впадая,
Его блестящая струя.

В. Колин

Берёзки жёлтою толпою
Лепечут считанные дни
И опадающей листвою
Скорбят о солнце и любви.

3. Табакова

Берёза сопровождает русского человека и в горе и в радости. С ней связана память детства, первая любовь и утраты любимых, ведь даже на кладбище у могилы близкого человека сажали берёзку. Берёза стала символом памяти о погибших героях, поэтому в русской поэзии так много стихов о берёзе, свидетельнице самой страшной Великой Отечественной войны. Андрей Дементьев в стихотворении «Берёзы России» через образ берёзок военной поры раскрывает судьбу русских женщин-солдаток, что провожали на фронт солдат, прятали партизан, взяли на свои плечи все тяготы жизни в тылу.

Берёзы, берёзы России –
Вы всё вместе с нами прошли.
И нету конца вашей силе,
Идущей от русской земли.

Поэтический образ берёзы стал символом не только родины, но и вечно обновляющейся жизни, берёза стала символом судьбы России. В годы войны она страдает, как страдают люди на фронтах войны:

Я помню, ранило берёзу
Осколком бомбы на заре.
Студёный сок бежал, как слёзы,
По изувеченной коре.

Поэт рассказывает, что в том бою солдатам удалось отстоять Москву, удалось спасти и берёзу. Прошло время – берёза залечила раны и вновь стала своей белой корой и пышной кроной украшать жизнь русского человека. Последний катрен стиха звучит как клятва поэта от имени всего народа:

И с той поры на все угрозы
Мы неизменно говорим:
Родную русскую берёзу
В обиду больше не дадим.
Сергей Васильев

В стихах североказахстанских поэтов мы слышим звон берёз в зимнюю стужу, журчание весеннего *берёзового* ручейка, «задумчивую игру ветра на белых клавишах берёз в осеннее ненастье».

И всё-таки у каждого поэта берёза своя. Так, певец русского Севера, Н. Рубцов в стихотворении «Северная берёза» пишет:

Есть на севере берёза.
Так ей хочется «Счастливо!»
Что стоит среди камней.
Прошептать судам вослед.
Побелели от мороза
Но в просторе молчаливом
Ветви чёрные на ней.
Кораблей всё нет и нет...
На морские перекрёстки
Спят морские перекрёстки.
В голубой дрожащей мгле
Лишь прибой гремит во мгле.
Смотрит пристально берёзка
Грустно маленькой берёзке
Чуть качаясь на скале.
На обветренной скале.

Эта рубцовская берёзка напоминала морякам о малой родине, о которой нельзя было не вспомнить, уходя в походы, грустя о девушках, оставшихся на «гражданке».

У В. Шукшина в повести «Калина красная» главный герой отходит сердцем и душой среди родных берёз: «А там открылась глазам берёзовая рощица, целая большая семья выбежала навстречу и остановилась.

- Ух ты! – сказал Егор. И вошёл в рощицу.

Походил среди берёзок... И пошёл дальше... И улыбался. На душе сделалось легче». Олицетворение рощи берёз, сравнение её с большой семьёй, ласкательные номинации (рощица, берёзки) – всё свидетельствует о русской ментальности, стремлении к гармонии в душе. На душе стало легче – и герой

улыбается. Он поверил, что родная сторона простила своего непутёвого сына и примет его.

Многие стихи Василия Коноплёва посвящены Великой Отечественной войне. Война осталась в памяти людей, родившихся в послевоенное время. Война, как пишет В. Коноплёв, осталась и в памяти природы. В его стихах милые сердцу берёзки каждую весну оплакивают те *сороковые роковые*. Они помнят тот ночной бой, когда рвались снаряды, «разрывая в клочья белые наряды». И теперь каждую весну «плачет лес от битвы, разбавляя соком кровь бойцов убитых». Так, сквозь призму природы поэт передаёт преступления той страшной войны, преступления перед человечеством, преступления перед природой. Он сочувствует родной берёзке и вселяет веру в будущее:

Что ж, поплачь немного
После сечи бранной.
Время, нам подмога,
Зарубцует раны.

Североказахстанский поэт Александр Курленя в стихотворении «О себе» пишет:

Я – русский представитель Казахстана
На вечном поэтическом пиру.

А заканчивает его признанием: «А с матерью Русью я генами связан». Александр Юрьевич чувствует неразрывную связь со своей родиной. Вместе с ней он переживает её победы и невзгоды, вместе с ней строит планы на будущее. Пожалуй, его программным является стихотворение «На языке родных берёз / Я разговариваю с миром». Эти строчки не только начинают стихотворение, но они и завершают его как резюме, как итог рассуждений. Понять силу и значимость этого вывода помогает стиль, образы всего стихотворения, насыщенного глубоким смыслом, пронизанного искренней любовью и показывающего большую эрудицию, знание литературы и истории России. Весь смысл стихотворения в его ассоциациях. Реальное событие упоминается только намёком: весной, как стает снег, автор пил берёзовый сок. Всё остальное – от сердца поэта. Берёза вспоила

поэта своим божественным напитком, и он управляет его чувствами и его поэтическим даром:

И сок, как дар счастливых грёз,
Стекает капельным пунктиром,
Скользит по белому листу
В строку берёзовой тетради.
И отрываю бересту
Я не кощунства злобы ради.

Поэт в полном плену у берёзы: белый лист, берёзовая тетрадь, береста – всё это белое, чистое, родное, как и поэзия простого крестьянского парня из Рязанщины, очарованного «страной берёзового ситца». Сергей Есенин не назван в стихотворении, но он зримо в нём присутствует. Для А. Ю. Курлени он такое же олицетворение России, как и русская берёзка. Берёза в стихотворении А. Курлени – источник вдохновения, символ Родины, это ментальное чувство соборности и это судьба, подарившая автору «дар счастливых грёз».

Язык является национальной формой выражения материальной и духовной культуры народа, он формирует языковую картину мира, которая отражает внеязыковую действительность. Язык выступает одним из основных признаков *нации*. Слово имеет не только языковое значение, но и внеязыковой культурный смысл. Без знания «культурного ореола» слова, связанного с глубинными ассоциациями, носитель другого языка, не воспринимает слово как культурный феномен. Языковая манифестация окружающего человека мира отражает особенности психического склада и менталитета человека. Так, для человека, не познавшего культуру казахского народа, слово *шанырак* означает «верхний купол юрты, дымовое отверстие, род кошемной форточки» (Мусатаева, Шеляховская 1995:83). В то время как для казахов это слово – символ домашнего очага.

В слове *шанырак* может актуализироваться сема «дом» – семейный очаг: «Одно из достоинств уклада, образа жизни казахского народа – в стремлении не пошатнуть *шанырак*, сохранить тепло семейного очага, в уважении к старшим и

поддержке молодых» (газета “Северный Казахстан”). Это слово может употребляться и в значении «самое главное»: «Шанырак – сердце герба». Национально-культурное своеобразие языка проявляется и в разных наименованиях одних и тех же предметов. Например, в русском языке отсутствуют слова детально именующие лошадей по возрасту и назначению: лошадь, конь, жеребец, кобыла, жеребёнок, стригунок, скакун, иноходец, кляча. В жизни казаха лошадь играла более разнообразную роль, поэтому и наименований её значительно больше: *ат* (конь), *бие* (кобыла), *айгыр* (жеребец), *кулун* (жеребёнок до 1 года), *купан* (жеребёнок полтора года), *тай* (жеребёнок 2-2,5 года), *жылкы* (лошадь), *асау* (необъезженная лошадь), *жуйрикат* (скакун), *тулпар* (быстроходный скакун, крылатый конь, боевой конь), *мастек* (скакун на далёкие расстояния), *жайдак* (лошадь для домашних работ), *торга* (лошадь на откорм), *аргамак* (породистая лошадь), *гунан* (3-летний жеребёнок), *даган* (двухгодовалый жеребёнок), *дунан* (жеребёнок по 4-му году), *кабарга* (тощая кобылка). В русском языке словом *сестра* можно назвать и старшую и младшую сестру, в казахском языке при названии сестры учитывается не только возраст, но и родство по отношению к брату или сестре (карындас – синли). Э. Сепир пишет о том, что внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта, а внешняя форма знаний разнообразна до бесконечности в различных культурах и языках (Сепир 1993:193).

Даже для понимания анекдотов нужна определённая база в языковой подготовке. Необходимо знать прецедентные имена и фамилии, за которыми скрывается национальный смысл. Например, несколько смысловых доминант мы можем выделить в следующем анекдоте:

«Пришли немцы в деревню. Никого нет. Смотрят: старик на лавочке.

– Здорово, дед!

– Здорово.

– Как тебя зовут, дед?

– *Иван*.

- На тебе, Иван, пряник. Покажешь, где партизаны прячутся?
- Покажу, как не показать.
- А как твоя фамилия, Иван?
- *Сусанин*.
- Отдай пряник! Сами найдём».

Комментарии, как говорится, излишни. Всем, кто хоть немного знаком с историей России, хорошо знакомы имя Ивана Сусанина и его подвиг в борьбе с очередными захватчиками отчизны.

Считается общепризнанным утверждение, что наиболее плодотворное развитие локализуется на границах культур, научных дисциплин и направлений. Казахстан является лингвистическим регионом, где взаимодействуют языки двух основных этносов, казахов и русских. В этих условиях создаётся особая коммуникативная среда. Северный Казахстан – край специфичный как в историко-этнографическом, так и в лингвистическом плане. Этническая культура населения региона представляет более ста национальностей, каждая из которых характеризуется своими историко-культурными традициями, национальным самосознанием. В условиях контактного проживания все этносы испытывают влияние культур многочисленных диаспор, что проявляется в заимствовании предметов быта, традиций проведения праздников, форм общения. В полиязычном обществе, как правило, выделяются доминирующие языки, в Северном Казахстане таковыми являются казахский и русский.

Доминирующие языки функционируют в поле соприкосновения в языковом и культурного общении, в рамках которого происходят взаимные процессы интерференции. Одинаковая географическая среда, единые условия существования оказывают влияние на психический склад представителей взаимодействующих культур. Личность на рубеже двух культур формируется под воздействием культуры родного этноса, но испытывает и некоторое влияние культуры другого народа. В результате такого взаимодействия складывается региональная культура. Субкультура, являясь

производной от культуры национальной, предполагает собственную совокупность ценностей.

Использование в рамках русскоязычного контекста слов с инонациональными этнокультурными значениями, в частности казахскими, свидетельствует о взаимодействии двух национальных лингвокультур – русской и казахской. Культура народа опосредована языком; между языком и культурой имеется параллелизм, поэтому взаимопроникновение культур влечёт за собой и взаимовлияние языков. Национально-культурная специфика заимствованного слова обнаруживается на денотативном, коннотативном и эмпирическом (наглядно-образном) компоненте слова.

Показательно, что в творчестве поэтов Северного Казахстана заимствованные слова используются на эмпирическом, наглядно-образном, уровне, что свидетельствует об интерференции на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира. Так, в творчестве талантливого североказахстанского поэта Владимира Шестерикова очень часто используется приём наложения временных планов. Природа предстаёт как хранилище событий прошлого, как память. В ней соединяется воедино прошлое и настоящее. Типологическая линия совмещения времени сопровождается совмещением двух культур.

В стихах В. Шестерикова можно наблюдать интерференцию на эмпирическом, наглядно-образном уровне. Возьмём четверостишие:

Ты звенящей домбре подпевай,
Рыжегривый ветер солёный...
И качается *малахай*,
Как в степи одинокий подсолнух.

Слово «малахай» не просто освоено русским человеком, оно вошло в образную систему автора как средство художественного восприятия действительности. «Одинокий подсолнух в степи» – это, несомненно, чисто славянский образ, но восприятие качающегося *малахая* как степного подсолнуха –

это уже явление адстрата. Этот образ мог родиться только у человека, эмоционально-образное начало которого корнями уходит в национально-языковое видение русского народа, но которому не чуждо ассоциативное начало казахского народа. Сплав этих двух начал рождает особое творческое сознание художника слова. Взаимодействие двух национальных лингвокультур в результате образно-речевой интерференции рождает новый образ. В этом случае «чужое» слово демонстрирует полную спаянность с русским текстом, не нарушая общей стилистики произведения. Однако восприятие носителями русского языка подобных фрагментов текста имеет региональные различия. Чтобы «увидеть» сравнение подсолнуха с малахаем, недостаточно знать значение слова «малахай», нужно представить картину бесконечной ковыльной степи, в далёком мареве которой, на границе неба и земли, далёким призраком угадывается всадник, единственной отчётливой деталью которого виден покачивающийся в такт бега лошади *малахай*.

О взаимовлиянии языков двух основных этносов, взаимодействии русской и казахской культур свидетельствует широкое употребление в текстах русскоязычной периодической печати слов с тюркскими этнокультурными компонентами. Местные журналисты выросли в среде казахов, их языка и культуры, и поэтому они совершенно естественно употребляют слова, отражающие традиции духовной и материальной культуры казахского народа. Это становится особенно заметным в дни проведения массовых мероприятий или праздников. Газеты в эти дни пестрят заголовками: «Наурыз и зимние колядки», «И казакша-курес и зимняя лапта», «Русская тройка и байга». И никого не удивляют призывы: «Играй, гармонь, звени, домбра!». Праздники объединяют людей, способствуют познанию культуры других народов. В праздничные дни рядом стоят казахская юрта, русская изба и украинская хата. Праздничные столы ломятся от ароматного казахского бешбармака, сибирских пельменей, украинских галушек,

узбекского плова, татарских пирогов. Описывая это разноцветье культур и языков, местный поэт А. Пряников пишет:

Аксакал нам с гармошкой не странен,
Под *домбру* украинец поёт.
В тюбетейке, в цветастом *чапане*
Наурыз по планете идёт.

Казахский аксакал с русской гармошкой, украинец с казахской домброй – это привычные приметы естественного общения представителей разных этносов в условиях мира и взаимопонимания. Многовековое взаимодействие двух основных лингвокультур находит яркое отражение в творчестве местных поэтов:

И души тронув струны,
Белый, пышный на вид,
Каравай полнолунный
С *дастархана* глядит.
И хмельна, и бела,
Щедро ходит по кругу
С кумысом пиала.

В этом стихотворении удивительно точно отражаются особенности украшения праздничного стола, где русский каравай оказывается посреди *дастархана*, казахского столика для угощения гостей, рядом с пиалой, наполненной кумысом. Но даже эпитеты и синтаксические конструкции свидетельствуют об особой языковой картине мира на рубеже лингвокультур. К русскому караваю автор подбирает чисто казахский эпитет *полнолунный*, а казахская пиала «хмельна и бела», «ходит по кругу», что вызывает ассоциацию: «чаша ходит по кругу», привычное выражение русского фольклора.

Лексема *дастархан* также определяет черты национального характера казахов. Основное её значение: скатерть, стол. Но в ней могут актуализироваться семы «пища и посуда, угощение, застолье»: «Выпьем за молодых, – обращается ко всему *дастархану* тамада. – Горько!».

Идея взаимоотношения и братства подчёркивается в стихотворении Альфреда Пряникова:

Мы поделимся щедрою скатертью,
Что на братском накрыта столе.
Мы поделимся славными песнями,
Что звучат под гармонь и *домбру*
И которые грустно и весело
Учат мудрости, чести, добру.
Мы поделимся домом и *юртою*,
Мы разделим и хлеб, и *кумыс*,
Чтобы дети не стали манкуртами
И от прошлого не отреклись.

Знание особенностей регионального этноязыка помогает понять менталитет его носителей, а следовательно, проводить языковую политику, в полной мере учитывающую языковую ситуацию в регионе. В условиях коммуникативной среды на рубеже лингвокультур образование этносоциоязыковой общности переходит из потенциального в реальный процесс. Национально-культурная специфика слова предполагает включение всего лексического фона, с которым связывается употребляемое слово. Фоновая информация непосредственно не входит в структуру значения слова, фоновые слова, отражая характерные черты народа, тесно связаны с культурой.

В стихотворениях В. Шестерикова заимствованные казахские слова выполняют как номинативную, так и образно-изобразительную функцию. Сравним:

1. А *джигиты* вокруг собрались...
Домбра
Милы мне - даль, печальная немного,
И ветер, *джигитующий* в полях...
Тамыры
2. Струны вещие *аксакал*,
Словно юность, перебирает.
Домбра
Здесь был, наверно, край земли...
И тихо шествуя за нами,
Как *аксакалы*, ковыли
Качают мудро головами.

Солончаки. Солончаки.

Сопоставление функций заимствованных слов наглядно свидетельствует, что заимствованное слово может выполнять функцию номинации или художественного средства с ярко выраженной образной коннотацией. В стихах Владимира Шестерикова отары овец сравниваются с облаками, а облака - с чалмой:

Как облака, плывут отары
К ногам,
что вдеты в стремяна.

Как чалма, клубились облака.

Общая географическая среда и условия существования влияют на психический склад представителей взаимодействующих национальностей. Русские на Севере Казахстана не говорят по-казахски, но по своему психическому складу они уже не те русские, что живут в России. Они любят Россию, преданы русской культуре и русскому языку. Но у них сложились и особые региональные черты, обусловленные тем, что в русской и казахской культуре обнаруживается много общего. Так, если у американцев и англичан за праздничным столом принято вести «короткую беседу» на незначительные темы (погода, кино, новый шопинг) и ни в коем случае не обсуждать производственные дела, дела семейные и т.п., казахское и русское застолье отличается плотным угощением, продолжительностью и свободным кругом тем для обсуждения. За праздничным столом обсуждается политика и решаются деловые вопросы. Однако есть и некоторые нюансы поведения за столом и за дастарханом: у русских не принято молодым людям первыми подавать руку пожилым и уважаемым людям, у казахов молодые мужчины обязаны подойти и пожать руку аксакалам. Русские более свободны в выборе места за столом, за дастарханом – все сидят по рангу, это касается и очерёдности в произнесении тоста. Русские любят рассказывать анекдоты про тещу, за дастарханом это не принято, так как, согласно казахской этнокультуре, зять должен относиться к теще так же

почтительно, как и к своей матери. Русские и казахи одинаково воспринимают коннотативные значения лексем, имеющих ментальное значение для взаимодействующих этносов. Особенность данного региона заключается в том, что два больших этноса, русские и казахи, живут рядом на протяжении нескольких поколений. Однако русские не порывают со своей национальной культурой и ассимиляция их в обозримом будущем не предвидится. Региональная аккультурация касается только некоторых элементов новой культуры.

Так, Владимир Шестериков, бесспорно, глубоко русский поэт, и славянское племя крепко держит его словом и чувством:

Нас вечно в странствия влечёт,
Обняв в порыве, ветер хлётский,
Грустит неведомо о чём
Степная русская *берёзка*.

Берёза – для него такой же символ Родины, как и для русского средней полосы России. Её образ в его творчестве сливается с образом подруги:

Сверстницы мои! Вы выросли,
Как *берёзки* на хмельном ветру.
Дайте же на вас из дальней дали
Я глазами детства посмотрю.
Невесты:
То, как робкие невесты,
Излучают белый свет.
Вдовы:
То они стоят, как вдовы,
Тихо всматриваясь в даль.
Костры

В образе берёзки поэт видит черты любимых и матерей. В стихотворении «Мисс Земли» поэт любит красоту длинноногих берёз, сравнивая их с красавицами-девушками. У берёз милые женские черты: стать, тонкий стан. Берёзы Шестерикова – это современные красавицы, длинноногие, вышедшие на пригорок, как на подиум. По его убеждению, берёзы вполне отвечают требованиям конкурса красоты: они

стройны, красивы, их росту и тонкому стану может позавидовать любая участница конкурса красоты.

Пережив дожди и грозы,
Излучая свет души,
На пригорок свой берёзы,
Как на подиум взошли.
Я люблюсь станом тонким,
Вижу милые черты,
Их бы выдвинуть на конкурс
Королевы красоты.
А в целом это дерево-символ:
Кто прощает все обиды,
И кому - поклон несусь,
Будто Родину увидел
Я – в *берёзовом* лесу.

Целостный художественный образ края передаёт позицию автора, субъективно-оценочное восприятие всего, что его окружает.

Лесная синяя опушка,
Звезда, упавшая в реку,
И одинокая кукушка
С её обманчивым: ку-ку...
Лиловые снега

Эти строчки написаны человеком, впитавшим в себя поэзию Сергея Есенина и Николая Заболоцкого. Те же цвета, то же щемящее чувство красоты, одиночества, простора земли и глубины неба.

В стихотворении «Родные корни», посвящённом приёмной дочери, уехавшей в Германию, мы видим русский национальный пейзаж, в котором образ берёзы означает родное и близкое, придающее духовные силы:

Нас с детства ветры странствий манят,
Но жизнь вверяет нас судьбе,
Так улыбнётся ли в Германии
Она от нас вдали тебе?
«...»Без наших зим, берёзок русских,

Полей бескрайных, журавлей,
Наверно, как у нас ни грустно,
И там не будет веселей.

Последнее четверостишие является макротекстуальным концептом, выражающим сакральное русской души.

Общепризнано, что берёза – символ русского народа. Но тоску по берёзке мы встречаем и в творчестве казахского поэта Магжана Жумабаева. Может быть, это результат длительного нахождения Магжана среди русских и влияния русской культуры, а возможно, результат того, что уже почти три века русские и казахи живут бок о бок в едином географическом пространстве:

Мы судьбе подвластны, знаю,
Но и в дальней стороне
Будет родина степная,
Как берёзка, жить во мне.

Бахытжан Канапьянов – уроженец североказахстанской земли, родился в городе Кокшетау. По профессии инженер-металлург, сценарист, кинорежиссёр, делом своей жизни избрал поэтическое творчество. Его имя широко известно читателям не только Казахстана. Его книги изданы в России, Великобритании, США, Канаде, Польше, Малайзии, в Южной Корее. Он пишет стихи на русском языке, пишет о любви к родной земле, о дружбе казахского и русского народов. «Для меня дороже всех лозунгов и плакатов о дружбе народов, – пишет поэт, – является образ русской женщины Евгении Михайловны Исаковой, которая в период эвакуации пришла в дом моих родителей и сорок с лишним лет прожила в этом доме, воспитав не только меня, но и моих сестёр и братьев».

В поэзии Бахытжана Канапьянова сливаются воедино две ментальности: одна – из детства, родная казахская этничность, другая – привнесённая лингвокультурой русского языка, ставшего родным и для его поэзии. Хотя поэт пишет на русском языке, родные корни крепко держат его. Познание себя неразрывно связано с осознанием своих корней. В прецедентном

тексте поэта на первое место выступает идиоэтническое, раскрывающее особенности ментальности казахского народа:

« ...степь нам для встреч дана!»

Эзотерический смысл этого высказывания включает экзотерическое значение составляющих его слов, а также извлекаемые из текста этнические, биографические и ассоциативно-образные смыслы. Этнический смысл может быть осознаваем только при условии знакомства с казахской ментальностью. Это знакомство, как мы понимаем, носит разную степень проникновения в смысл лингвокультуры *степь*. Афоризм включает восприятие степи представителем этого народа: степь широкая, необъятная, с ветрами и полынью, летом жгучая и безводная, зимой холодная и малонаселённая. Кочевой народ в ней живёт достаточно обособленно, но это-то и определяет отношение к путникам, особенности ритуала встреч, редким гостям здесь всегда рады. Биографический смысл афоризма связан с происхождением поэта, особенностями взрослой жизни «кочевника с авиабилетом». Он умеет ценить короткие встречи с соплеменниками в родной степи. Ассоциативно-образный смысл высказывания связан со смыслом стихотворения «Плывут облака», откуда и взяты эти строчки. Однако изъятые из текста они не теряют общего смысла, приобретая форму афоризма. Связь с прошлым невидимой «тропой памяти» живёт в его душе. Концепт *душа* в творчестве Бахытжана Канапьянова совпадает с её ментальным толкованием в русской культуре: душа поэта болит и радуется, тоскует и творит. Душой как средоточием духовного и нравственного начала он наделяет не только людей, но и животных и предметы. В его поэтическом мире «поющий бархан имеет пространство души», а пустыня дарит туристу «песчаную ноту сердца». Но поэт хорошо осознаёт свои истоки:

Я родом из *юрты*, где дед совершает молитву,
Коленями встав на молитвенный выцветший коврик.
Я слушаю деда – и кошмы луною облиты,
И старый сундук разноцветным железом окован.

- - - - -

И вечная плачет *домбра*
О том, что в степи затерялся ребёнок.

Ностальгия по детству

Символично, что эпиграфом к этому стихотворению взяты слова Антуана де Сент-Экзюпери: «Я родом из детства!» Сублимация двух культур – казахской и русской – особый склад мышления поэта. В одном из своих стихотворений поэт описывает, как с появлением любимой обычное дерево вдруг приобретает черты белоствольной красавицы-берёзы:

Любимая,
обыден мир без тебя
дерево деревом было,
а когда ты пришла, преобразилось в берёзу,
любимая.

Символический природный образ берёзы упоминается поэтом и в стихотворении «Встреча с инопланетянами»:

И к месту встречи подойдя,
на листьях пробудившейся берёзы
Вижу я не капельки дождя –
Пришельца человеческие слёзы.

Анализ поэтического творчества представителей русской и казахской национальности позволяет сделать выводы о том, что общая земля, общие условия жизни, общее пространство способствуют культурному взаимовлиянию. Так, поэты Северного Казахстана, пишущие на русском языке, но разные по национальной принадлежности, естественно используют образы, казалось бы, не родственной им культуры. В поэзии русского Владимира Шестерикова широко представлена картина мира, характерная для казаха-степняка. А поэзия казаха Бахытжана Канапьянова не обходится без символа – русской белоствольной берёзы. В. Шестериков назвал Северное Приишимье «краем берёзовых островов». Эти «берёзовые острова» видели с детства и Магжан Жумабаев, и Сабит Муканов, и Бахытжан Канапьянов, и они стали для них так же любимы, как неоглядные степи, горькая полынь и ковыли для Владимира Шестерикова, Александра Курлени и Ивана Шухова.

Общая среда проживания является фактором сближения культур и языков. Общая «малая родина» способствует глубокому проникновению в культуру другого народа и пониманию и уважению его менталитета.

Люди, живущие в лесостепной полосе, на рубеже разных географических зон, где проходит раздел между степной зоной Казахстана и лесными массивами России, просто обречены на восприятие окружающей природы глазами сибиряка и степняка. Ландшафт оказывает первостепенное влияние на мировоззрение человека. Человек неосознанно стремится жить в гармонии с природой.

В творчестве поэтов, не выросших с детства в субкультуре, а приобщившихся к ней в зрелом возрасте, мы не находим этнопоэтизмов отражающих влияние культуры на эмоционально-образном восприятии. Они, без сомнения, любят свою родину и талантливо пишут в своих стихах о её красоте. Красота мира открывается для человека в общении с природой. Первые цветы, первые деревья, голубое небо, животные и птицы составляют основу представлений человека о реальной картине мира. И на этом этапе формирования человеческого сознания одинаковые условия жизни являются определяющими. Воспринимаемая картина мира не имеет этнических различий. Эти различия формируются под влиянием культуры этноса, к которому принадлежит человек. Нам представляется, что одинаковая географическая среда, в которой живут люди разных этносов, является фактором, обуславливающимприятие культуры другого народа, взгляд на явления природы с позиций, отличных от позиций своего этноса.

Лингвоанализ позволяет сформулировать гипотезу особого художественно моделируемого мира авторами двуязычных регионов. Языковая манифестация мира, окружающего человека, отражает особенности психического склада и менталитета человека. Интерферирующее с русской речью «чужое» слово становится нормой для проявления определённых психических моментов жизни автора, проявления его духовной жизни. Постигание человеком языковой картины

мира другого народа «способствует не только совершенствованию его творческих способностей, но и более глубокому пониманию духовных ценностей родного народа и народа – носителя второго языка» (Жаналина 1993:17).

Северный Казахстан по праву гордится, что стал родиной А. Н. Пряникова, родившегося на волжских берегах, а возмужавшего – на ишимских. Студентом Ивановского пединститута он дважды в составе студенческого отряда приезжал на уборку целинного урожая в Северный Казахстан. Влюбившись в «край берёзовых островов», Альфред Пряников решил навсегда связать свою судьбу с Северным Приишьем и после окончания вуза работал сельским учителем в Северо-Казахстанской области. Муза не оставила его, и он стал певцом родного Приишья. В своих стихотворениях поэт откровенно признаётся:

И пусть мои истоки далеки –
Влюблён душой в степную эту землю.

Болею сердцем за Ишим

Как наблюдательный и чуткий человек, А. Пряников оценил доброту и щедрость степного народа, широту степного простора, звучность и красоту песни на казахском языке:

Так тревожь же
Душу мне и сердце.
Песня на казахском языке!

Песня на казахском языке

В его стихах есть все приметы казахской земли: степной простор да седоватый солончак, степные дали и степной ветер, аулы и домбра, о которой он пишет:

Легче под домбру в степи согреться.

В стихах А. Пряникова постоянно соседствуют и спорят две родины: «подмосковная, былинная» и «казахстанская, целинная».

Сам поэт в раздумье задаёт вопрос:
Как и у многих,
У меня две родины...
Которую ж единственной назвать?

Две родины

На второй родине поэт познакомился и подружился с Сабитом Мукановым, Иваном Шуховым, Габитом Мусреповым. Габиту Мусрепову он посвятил стихотворение «Письмо казахстанскому поэту», где есть такие замечательные строки:

Давай с тобой переводить друг друга:
На русский – я, а на казахский – ты.
Не первый век народы наши дружат,
И чтоб всегда им в единенье жить,
Крылатым словом нам, поэтам, нужно
Ту дружбу в переводах изложить.

Познание языка другого народа, приобщение через язык к его культуре создаёт тот фундамент на котором в разнотническом обществе, каким является Казахстан, осуществляется диалог разных культур, формируется толерантность и взаимное уважение и доверие разных этносов

Мы считаем, что взаимодействие лингвистических и этнических факторов в поэтических текстах необходимо выделить в особое направление – этнопоэтику (Табакова: 2001). Главным предметом этой отрасли лингвистики являются ментально значимые слова, выявляющиеся при сопоставлении языков в поэтическом тексте. Предметом исследования в этнопоэтике выступают этнозначимые слова и обороты речи, которые мы определяем как этнопоэтизмы.

Этнопоэтика изучает особенности аккультурации личности в условиях взаимодействия культур и языков на материале поэтических текстов.

Лингвоанализ поэтического текста показывает, что этнопоэтизмами выступают не только лексические единицы (*берёза, хлеб, шанрак*), но и различные типы этнотропов.

Этнопоэтика складывается на стыке таких наук, как лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвопоэтика. Результаты этнопоэтического анализа наиболее наглядны в творчестве поэтов, проживающих в полиэтнических регионах. Этнопоэтическая система формируется в пространстве культуры, определяемом особенностями функционирования

языка, традиций, общей атмосферой толерантности и всей общественно-политической и экономической ситуацией в обществе. Гениальные поэты нации выражают дух народа и не только отражают его миропонимание, но и влияют на его мировоззрение, определяя его нравственные ориентиры на последующие столетия. Так, таким светочем для русской нации стал А. С. Пушкин, у казахского народа это место занял Абай. В их творчестве соединились два духовных начала нации: язык и поэзия. Эти гениальные личности представили душу народа в своём поэтическом творчестве, отразили микро- и макро-космос представителей этих национальностей. При этом мы вовсе не умаляем заслуг других поэтов. Для нас безумно дороги имена М. Ю. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, Сергея Есенина и многих-многих других поэтов. Мы только хотим утвердить мысль, что поэзия выражает душу народа, репрезентируя её через язык. Лучшие её представители, конечно, отразили свою эпоху, которая имеет тенденцию к постоянному изменению.

Условия жизни каждого этноса не позволяют ему жить в изоляции, как общественно-экономической, так и языковой. В условиях сближения лингвокультур взаимодействие их более значимо отражается в поэзии, изменение восприятия реальной действительности проявляется на ассоциативно-образном уровне. Именно этот факт может свидетельствовать о глубинном влиянии неродного языка на когнитивную картину мира носителя родного языка. Этот пласт языка представляет особый интерес для исследования интерференции культур и языков. В условиях лингвокультурной общности разных этносов возможно появление в поэтическом тексте этнопоэтизмов, то есть слов из другого языка, сохраняющих своё концептуальное значение. Такие слова, значимые для понимания культуры этноса, терминологически обозначаются в лингвистике как лингвокультуремы, логоэпистемы, национальные социокультурные стереотипы и т.п. Эта терминология оправдана при описании родного языка, при использовании в поэзии лингвокультурем другого языка они выступают как этнопоэтизмы. В отличие от обычных заимствований

этнопоэтизмы передают ассоциативно-образное восприятие. Таким образом, в отличие от заимствованного слова, которое передаёт только денотативное значение, за этнопоэтизмом стоит либо образ, либо слово-лингвокультурема другого языка, ставшая концептом в сознании носителя другой лингвокультуры.

В текстах, написанных русскими или русскоязычными авторами, использование слов с инонациональными этнокультурными значениями, в частности казахскими, является свидетельством взаимодействия двух национальных лингвокультур – русской и казахской. Национально-культурная специфика заимствованного слова обнаруживается на разных уровнях языка; для поэтического текста особенно показательно её влияние на коннотативном и наглядно-образном компоненте слова. Влияние другой культуры вносит в картину мира реципиента дополнительные штрихи, порождает новые ассоциативные цепочки и расширяет возможности выражения чувств и переживаний лирического героя. Не остаётся незатронутой и языковая картина мира, которая обогащается новыми деталями, получает дополнительную палитру красок для более яркого описания окружающего мира и самовыражения автора.

Владимир Шестериков, отвечая на вопросы о влиянии других культур на его творчество, писал:

Мы глядим в цветное стекло,
Восхищение миром не пряча,
Когда в наших глазах расцвело
Всё, что виделось раньше иначе.

Известный поэт Г. Бельгер, писавший стихи на русском, немецком и казахском языках, утверждает: «... может по-разному складываться личная судьба, можно бытовать в стихии инобытия, иноязычия, можно проникнуться иной культурой, вращаться с малых лет в иной сфере, но какие-то этнические корни, некие потаённые гены, тяга к своим истокам остаются, они живут в подспудных тайниках сознания и не могут не сказываться, не прорываться в творческом акте» (Бельгер

1996: 229). Композитор, поэт, сопредседатель Всемирного форума духовной культуры, Толеген Мухаметжанов признаётся:

Да, я пишу стихи на русском, не родном,
Он стал мне близким и понятным другом,
Ему поверил и доверил личный дом
Из мыслей, чувств, рождённых жизни кругом.

Поэт, однако, не забывает свои истоки – «но в каждом слове плоть моя и кровь»; в его словах горячая любовь (это слово он пишет даже с большой буквы):

К родной земле, к степи бескрайней до небес,
К озёрам гор, сверкающих снегами,
К аулу детства, где познал, что нет чудес,
Прекрасней дыма очага над нами.

Сплав русской речи и родной ментальности становится для русскоязычного поэта Б. Канапьянова, казаха по рождению, нормой для его духовной жизни и творчества. Он прекрасно осознаёт своё особое положение «кочевника с авиабилетом». Родившийся и выросший в ауле, он с детства приобщился к русскому языку и русской культуре, о чем написал:

Здесь русский язык
С моей смешался кровью.

В концептуальной картине мира взаимодействует национальное и личностное. Знакомство с языковой картиной мира другого этноса находит отражение в поэтическом тексте, так как поэтическому тексту изначально присуще эмоционально-образное восприятие действительности. Выполняя образно-изобразительную функцию, заимствованные слова приобретают коннотацию эмоционально-эстетической ассоциации.

Для поэта характерно своё мировидение, которое талантливый поэт воплощает в произведении. Талантливый читатель постигает за строками стиха мир таким, каким его видел автор.

Этнопоэтика помогает развивать эмоциональную, гуманную, эстетическую, интеллектуальную сферу чувств. Ассоциативный анализ поэтического текста подтверждает

выдвигаемую гипотезу: интерференция на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другой языковой картине мира, наиболее наглядно проявляется в поэзии.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях контактного двуязычия происходит соединение разных языковых картин мира. Соединяя в одно лучшие стороны нескольких моделей мировосприятия, поэт невольно конструирует новые этнические доминанты. Этнопоэтический анализ стихотворений позволяет сделать вывод, что поэты, создавая яркие пейзажи, полные красоты и лиризма, рассказывая о людях своего полинационального края, используют этнопоэтизмы, этноокрашенные слова и этнотропы разных этносов. Взаимообогащение культур как факт социального и культурного устройства является отличительным признаком любого многонационального государства. Исследование этого процесса через язык взаимодействующих этносов – одна из актуальных задач современной лингвистики. Этнопоэтика как один из аспектов лингвопоэтики открывает дополнительные возможности в решении этой задачи.

Северо-Казахстанский регион – благодатное место для изучения этнопоэтики. Особая языковая среда и лингвистический микроклимат предоставляют местным поэтам возможность обрести полное взаимопонимание с читателем. Лингвокультуры двух этносов тесно переплетаются в их творчестве, создавая единую живую лингвистическую материю. Элементы национальной культуры формируют менталитет человека, который передаётся из поколения в поколение. Живя в Казахстане, русские познают культуру казахского народа, подчас не замечая того, как на развитие их личности влияет культура другого народа.

Так, авторским текстовым афоризмом в идиостиле поэта Вл. Шестерикова становятся слова:

Я к племени славян принадлежу,
А родом я из Казахстана.

Употреблённый в этом предложении союз «а» не имеет значения противопоставления, этот союз присоединяет вторую часть в качестве пояснения, добавления к самоидентификации поэта. Влияние казахской культуры лёгким облачком окутывает русского поэта. В этих строчках открыто и смело, просто и поэтично высказано то, что неосознанно, но постоянно ощущают тысячи славян, по воле истории оказавшихся на рубеже двух культур.

Этот текст можно считать прецедентным. Он характеризует не только авторское мировидение, но и отражает самосознание большей части русскоязычного населения Казахстана, воспитанного на принципах толерантности. Как афоризм его используют исследователи поэтической этнолингвистики в качестве эпиграфа в работах, посвящённых проблемам краеведения и взаимодействия языков.

Лингвоанализ поэтических текстов позволяет сформулировать гипотезу особого художественно модулируемого мира авторами двуязычных регионов. Освоение заимствованных слов в условиях сложившейся субкультуры не ограничивается знанием денотативного значения слова, а проявляется в его образном представлении картины мира. Использование в русскоязычном тексте слов казахского языка свидетельствует о взаимовлиянии двух национальных лингвокультур – русской и казахской.

Глава 2 Развитие лингвокультурологических компетенций на уроках русского языка

Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, писателю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности.

Ю.Н. Караулов

Ещё Пифагор считал, что для «познания нравов какого ни есть народа нужно изучать его язык». Учёные уже в древности заметили связь языка и культуры народа. Проблема взаимоотношения языка и культуры не нова. В начале 19 в. эту проблему пытались решить немецкие учёные – братья Гримм. Впоследствии лингвистическая концепция «язык и культура» получила развитие в трудах В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Э. Сепира. В 20 веке строят свою концепцию на основе изоморфности языка и культуры Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия.

Э. Сепир писал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Сепир 1993: 193]. Широкое распространение в мире получили идеи В. Гумбольдта, который рассматривал связь языка с духовной деятельностью нации и говорил о том, что «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринимается языком от характера нашей нации»; «язык есть народный дух, язык есть выражение духа народа, он есть само бытие народа» [Гумбольдт 1985: 373].

Таким образом, язык выступает как реализованная внутренняя форма выражения культуры, как средство аккумуляции знаний культуры разных народов. Главная роль в культуре принадлежит культурным ценностям. Культурные ценности представляют собой культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами. Среди ценностей исследователи выделяют универсальные, общечеловеческие (во всех культурах осуждаются жадность, предательство, трусость, болтливость, но их комбинаторика и

ценностные ориентиры могут различаться) и идиоэтнические, национальные ценности. Все ценности находят выражение в языке. А. Вежбицкая выделяет такие культурные ценности, как сердечность, вежливость, объективизм. П. Бицилли выделяет две системы ценностей: первыми, которые порождены цивилизацией, мы пользуемся, а другие – творчески усваиваем и приобщаемся к ним духовно.

Культура прививает человеку определённый набор ценностей. Эти ценности находят своё выражение в поведении, ценностных установках, языковых формах. Именно единицы языка (морфемы, лексемы, предложения) назвал Ф. К. Бок категориями культурных форм. З. П. Табакова отмечает, что «наиболее ярко национальный характер отражается в лексическом составе языка. В частности, анализ русской лексики позволяет судить о некоторых сторонах русского видения мира» [Табакова 2008: 11]. «Анализ русской лексики, – пишет А. Д. Шмелев, – позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира, подвести под рассуждения о «русской ментальности» объективную базу» [Шмелев 1996: 83-84].

Следовательно, языковые знаки способны выступать в роли знаков «языка культуры», в языке получают своё выражение духовные ценности и идеалы народа, обеспечивающие преемственность культурных традиций. Во всех науках о человеке практически весь опыт фиксируется с помощью языка, культурно обусловленных лексико-семантических средств языка, указывающих на культурную специфику народа и восприятие мира. «Сама культура часто рассматривается как гигантская система коммуникации, с помощью которой общество «воспитывает» молодое поколение. Со способностью культуры накапливать богатейшие знания о мире для его познания и освоения тесно связана её имманентная возможность концентрировать и транслировать социальную память множества поколений людей» [Болдычева 2009: 16-20].

Государственная Программа по русскому языку среди прочих компетенций (языковой, предполагающей овладение

самим языком, обогащение словарного запаса и грамматического строя речи учащихся; лингвистической, включающей в себя овладение знаниями о языке как общественном явлении и знаковой системе, устройстве и функционировании русского языка, овладение умениями и навыками анализа явлений и фактов языка; коммуникативной, предполагающей овладение различными видами речевой деятельности в разных сферах общения на основе речеведческих знаний) вводит понятие лингвокультурологических компетенций, предполагающих осознание языка как формы выражения национальной культуры. Изучение языка как системы долгое время было основой лингводидактики. Грамматическая система языка служила основой контроля знаний учащихся. Однако язык – не только парадигмы частей речи, а хранитель и передатчик из поколения в поколение сокровищ национальной культуры. Поэтому изучение языка должно идти в связи с изучением культуры того или иного народа.

Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка способствует становлению духовно-нравственной личности. Целью развития лингвокультурологических компетенций является воспитание сознательного отношения к языку как духовной ценности культуры.

Включение в содержание обучения этого аспекта способствует тому, что учащиеся, изучая законы языка, правила написания, основы развития речи одновременно имеют возможность познакомиться с богатой культурой русского народа, а также с национальными особенностями казахского этноса. Развитие лингвокультурологических компетенций в обучении русскому языку способствует сознательному отношению к языку как духовной ценности. Высказывания М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, К. Г. Паустовского, А. Н. Толстого, М. Горького, Абая, других известных писателей и учёных-лингвистов о роли русского языка, его выразительных

возможностях, помещённые на страницах учебника, отвечают цели сознательного отношения к языку не только как к системе, как средству общения, но и как к явлению культуры.

Так, в учебнике по русскому языку для 5 класса мы находим высказывания писателей, раскрывающие свойства русского языка: «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей» (М. Горький). «... Он беспределен и может живой, как жизнь, обогащаться с быстротой поражающей (Н. Гоголь). «С русским языком можно творить чудеса, нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было передать русским языком» (К. Паустовский).

В учебнике по русскому языку за 9 класс находим высказывания М. В. Ломоносова. Он писал, что русский язык «имеет природное изобилие, красоту, силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». И. С. Тургенев о русском языке говорил: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Проспер Мериме писал: «...богатый, звучный, живой, отличающийся гибкостью ударений и бесконечно разнообразный в звукоподражаниях, способный к передаче тончайших оттенков, наделённый ... почти безграничной творческой мыслью, русский язык кажется нам созданным для поэзии, подобно греческому».

Известный писатель, критик М. Каратаев отдает дань восхищения русскому языку: «Я счастлив, что на древней, родной мне земле, именуемой Казахстан, живут люди более ста национальностей, и каждый из них, подобно мне, говорит не только на своём родном наречии, но и на музыкальном, полнозвучном, прекрасном русском языке».

Мы отмечаем, что одной из главных задач в обучении русскому языку является задача донести до сознания учащихся, что язык – главное богатство национальной культуры. Необходимо научить школьников внимательнее относиться к

слову, находить ту культурную информацию, которая в нем заложена. Предложенный в учебнике дидактический материал при умелом, целенаправленном использовании может служить цели формирования у учащихся лингвокультурологических компетенций.

Авторы учебника по русскому языку для 5 класса М. Р. Кондубаева, Ф. Г. Брулева, Т. А. Абжанова, В. К. Павленко, Т. М. Марюхина, С. Б. Бегалиева включают в учебник материал, средствами которого репрезентируются национальные культурные ценности, отражается национальная культура.

Так, например, при изучении темы «Имя прилагательное» предлагается выполнить задание к упражнению №85. Прочитайте выразительно стихотворение Ф. Унгарсыновой «На жайляу полушарном дом стоит – степная юрта...». Обозначьте буквами существительное (с), прилагательное (п), глаголы (г).

На жайляу полушарном
Дом стоит – степная юрта.
Как домой, дорогой торной
В эту юрту захожу.
Солнце жжет полдненным жаром,
Пахнет хлебом, кислым куртом,
Я всегда в полях просторных
нахожу.

Ф. Унгарсынова

На наш взгляд, данный поэтический текст важно рассмотреть как способ и средство репрезентации национально-культурной специфики. В связи с этим можно предложить учащимся проанализировать такие этнозначимые слова, как *юрта*, *хлеб*, *жайляу*, *поле*, *курт*, *кумыс*, *шубат*, *шанырак*, приобретающие в контексте стихотворения национально-культурную окраску. Учащимся можно предложить этнокультурологический комментарий лингвокультурем: *юрта*, *шанырак*. Как пишет З. П. Табакова: «Национальная языковая картина мира складывается из мировидения представителей данного национально-лингвокультурного сообщества,

индивидуальных языковых картин мира отдельных носителей языка. Языковая манифестация мира, окружающего человека, отражает особенности психического склада и менталитета человека. Так, для человека, не познавшего культуру казахского народа, слово *шанырак* означает «верхний купол юрты, дымовое отверстие, род кошемной форточки». В то время как для казахов это слово – символ домашнего очага... В слове *шанырак* может актуализироваться сема «дом» – семейный очаг: «Одно из достоинств уклада, образа жизни казахского народа – в стремлении не пошатнуть *шанырак*, сохранить тепло семейного очага, в уважении к старшим и поддержке молодых» (газета «Северный Казахстан»). Это слово может употребляться и в значении «самое главное»: «Шанырак – сердце герба» [Табакова 2014: 38].

Учащимся нужно объяснить, что «для казахов понятие родного крова связано с древним жилищем – юртой, потому одним из культурных концептов, отражающих ценностные ориентиры казахского народа и всего современного казахстанского общества, является *шанырак* – верхняя сводчатая часть, купол юрты, представляющий собой верхние, определенным образом скреплённые балки. От шанырака во все стороны, в виде солнечных лучей, расходятся опоры. Через шанырак в юрту попадал свет, через него кочевник наблюдал за небом, осознавая себя частицей вселенной. Это понятие имеет и более широкое значение: «домашний очаг», «дом», «семья» [Журавлева 2011: 56-57]. «Как концепт, шанырак проявляет скорее своё переосмысленное значение как «общий дом, объединяющий под своим сводом все народы Казахстана» [Журавлева 2010: 234].

После знакомства с текстом мы предлагаем послетекстовые задания.

Ответьте на вопросы:

- Какое лексическое значение у слова *юрта*?
- Какой смысл в понятие *юрты* вкладывает казахский народ?
- Что символизирует шанырак?

Этнокультурологический комментарий к стихотворению подкрепляем картинкой с изображением юрты, герба Республики Казахстан.

В упражнении №133 даётся описание юрты: *В центре аула стоит белоснежная юрта. Рядом с ней стоят юрты чабанов.* К продолжению разговора о юрте, её значимости для казахского народа можно обратить внимание на центральное расположение *белоснежной юрты*. Белый цвет означает цвет чистоты, честных и добрых отношений к каждому, кто заходит в юрту. Каждому гостю здесь комфортно и спокойно.

При изучении темы «Твёрдые и мягкие согласные. Правописание слов с мягкими согласными» включается стихотворение «На жайляу»:

На жайляу цветы свежи,
И большие на небе звезды,
Родники, как слеза, чисты.
Здесь рождаются песни просто.
На жайляу люди добры,
По-особому всех встречают.
Коль ты гость, тебя отмечают,
Здесь и почести, и дары.

Б. Батырбекова

Авторы учебника предлагают выполнить следующее задание: выучите стихотворение и напишите его по памяти. Обозначьте мягкие согласные двумя чертами, а гласные, от которых зависит мягкость согласного, – одной чертой. Какие согласные только твердые? А какие только мягкие?

Мы предлагаем обратить внимание на такую самобытность мировоззрения казахского народа, как его знаменитое гостеприимство: *«Коль ты гость, тебя отмечают, // Здесь и почести, и дары»*. Эту черту национального характера важно выделить при выполнении этого задания. О казахском гостеприимстве говорит и притча, представленная в упражнении по развитию речи № 337 «Гость в двери – счастье в дом», при выполнении которого учащиеся должны выделить основную мысль: *«Пусть всякий, кто нуждается в пище и крове, кто*

зайдёт в ваше жилище, найдёт у вас приют, ласку и обильное угощение. И если гость будет из скромности отказываться от еды, скажите ему, что ест и пьёт своё, а не ваше, так как в вашем достоянии есть и его доля».

Учащиеся приходят к выводу, что казах все самое лучшее, вкусное бережёт для гостя, даже совершенно случайного, незнакомого.

Есть у казахов поговорка: *Өле жегенше, бөле же» (Чем наедаться от пуга, лучше поделись с другим)*. Рассматривая ментальную природу казаха, Д. К. Кшибеков подчёркивает: «Гостеприимство казаха не знало никакого расчёта. Он делился с гостем самым последним, не думая о том, что будет завтра. Казах успокаивал себя в таких случаях – «таңғы тамақ – тәңірден» (завтрак от тәңір, т.е. от бога). Казах считал каждого гостя божественным посланцем, ибо, по древним поверьям, каждый сороковой гость – Қадыр (божественный). Кто из гостей таков, никто не знает. Лучше любого из них принять достойно» [Кшибеков 2006: 20-21].

Развитие лингвокультурологических компетенций можно предусмотреть и при выполнении упражнения №164.

1. Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика то раздолье удалое то сердечная тоска. (*А. Пушкин*)
2. В лугах полях лесах и рощах всюду пробуждалась жизнь.
3. Всё в снегу и земля и деревья и кусты и кормушки.
4. Спустя некоторое время слышались звуки шуршание камышей щёлканье утиных носов. (*А. Новиков-Прибой*)

Задание к этому упражнению ограничивается нахождением обобщающего слова, расстановкой знаков препинания. Предложения, включённые в это упражнение, наводят на мысль о том, что это не просто случайный выбор предложений из произведений А. С. Пушкина, А. Новикова-Прибоя, а материал для размышления о значимости для русского народа таких образов, как *долгие песни ямщика, сердечная тоска, луга, поля, рощи, удаль*.

В упражнения №137, №138 авторы учебника по русскому языку включили значимые, любимые для русского народа

образы: *синий колокольчик, звонкий жаворонок, полевые цветы, золотистые шмели, полевой простор.*

Мы предлагаем следующие вопросы и задания:

- Найдите слова, отражающие ментальность русского человека.
- Какой смысл вкладывает русский человек в такие словосочетания, как *долгие песни ямщика, сердечная тоска, полевой простор?*
- Приведите примеры стихотворений и русских народных песен, где возникают любимые и значимые для русского человека образы колокольчика, жаворонка, поля, полевых цветов. Как в них отражается русский менталитет?

Мы предлагаем лингвокультурологический комментарий: «Русскому человеку близки, казалось бы, такие далёкие понятия, как «раздолье удалое» и «сердечная тоска». Поля и рощи, снега и дожди, реки и озера – всё это вбирает ёмкое понятие – «русское раздолье». Но эта бесконечность русских равнин, неохватность русского поля, уходящие в горизонт степные просторы и теряющиеся в дали голубой просёлочные дороги порождают какое-то смутное чувство необъяснимой тревоги, желаний неосознанных и поэтому неосуществимых. Это чувство понятно русскому человеку, и получило оно своё выражение в слове *тоска*» [Табакowa 2014: 34].

Самый богатый материал, способствующий развитию лингвокультурологических компетенций, представлен в разделе «Лексика», в частности при изучении темы «Однозначные и многозначные слова. Прямое и переносное значения слов». Предлагается выполнить упражнение, посвящённое хлебу: *Хлеб всему голова. Кто сам землю пахал, тот разрежет хлеб, не уронив ни крошки. И везут хлеб на элеватор. Я хлеб люблю, когда он на корню. Звонит колосьями янтарно. Я перед ним колено преклоню, как землепашец, благодатно. Хлеб на корню – ещё не хлеб. Он хлебом будет лишь в сусеке. В старину о человеке судили по хлебу, который уродился у него в поле.*

В задании к упражнению предлагается поработать только над лексическим значением слова, однако, на наш взгляд, будет

интересным и познавательным раскрыть не просто лексическое значение слова, а рассмотреть это слово как культурану, раскрыть глубокий смысл, значение хлеба в жизни русского человека.

В золотом фонде русского языка существует множество пословиц, поговорок и фразеологических оборотов, в которых отражены широта души русского человека, гостеприимство, уважительное отношение к хлебу.

Предлагаем учащимся задания:

- Подобрать пословицы, поговорки и устойчивые выражения, в которых отражена особая роль хлеба в жизни русского человека.
- Проанализировать приведённые ниже пословицы и поговорки о хлебе.

Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова. Худ обед, коли хлеба нет. Хлеб-соль не бранить. Прошу хлеба-соли откушать. Помяни соль, чтобы дали хлеба. Сколько ни думай, а лучшие хлеба-соли не придумаешь. Хлеб-соль – взаимное дело. Что в печи, всё на стол мечи. Без денег проживу, а без хлеба не проживу. Сколько ни думай, а лучшие хлеба-соли не придумаешь. Ешь пироги, а хлеб вперёд береги. Хлебушко – калачу дедушка. Хлеб-соль – взаимное дело. Покуда есть хлеб да вода, всё не беда. Без хлеба нет обеда. Баловством хлеба не добудешь. Горек обед без хлеба. Без хлеба живот никогда не живёт. Без соли не вкусно, без хлеба – не сытно. Хлеба ни куска, так и в горле тоска. Временами и ломоть за целый хлеб. Не в пору и обед, коли хлеба нет. У меня хлеб чистый, квас кислый, нож острый, черен пёстрый, отрежу гладко, так, что глядеть сладко. Хлеб за брюхом не ходит.

Выполните задания и ответьте на вопросы:

- Определите лексическое значение слова хлеб.
- Однозначное или многозначное это слово?
- Употребите слово в переносном значении.
- Какой смысл в понятие хлеб вкладывает русский народ?
- Почему хлебу уделяли много внимания?
- Что значит выражение: Посади свинью за стол, она и ноги на стол?

Предлагаем провести этнокультурологический анализ лингвокультуры *хлеб*.

Учащимся нужно разъяснять, что для каждой культуры характерны определённые ценностные признаки. В русской культуре – сильная привязанность к земле-матушке, гостеприимство. Символом русского гостеприимства являются хлеб и соль, отсюда русские слова *хлебосольный*, *хлебосольство*. «Хлеб неразрывно связан с культурой русского народа... Хлеб издревле считался символом жизни, необходимым условием существования человека... У славян хлеб почитался святыней еще со времен язычества. Не утратил хлеб своей значимости и с принятием на Руси христианства... Почитается хлеб и по сей день, так как и сегодня дорогих гостей встречают хлебом-солью». «Хлеб – символ солнца. Считается, что тот, кто делится хлебом с окружающими, отдает им частичку тепла, добра, заботы дневного светила» [Табакова 2014: 19-20].

Особый настрой придают уроку тексты культурологической направленности. К наиболее значимым для развития лингвокультурологических компетенций мы можем отнести следующие тексты:

1. Тексты фольклорных жанров, в которых особенно ярко отражаются особенности национального характера и мышления – пословицы, поговорки, загадки, сказки.

Учебники знакомят ребят с пословицами и поговорками, раскрывающими разные стороны жизни народа. Учитель должен донести до сознания учащихся мысль о том, что пословицы и поговорки – зеркало культуры любого народа.

На страницах учебников периодически предлагаются задания, предусматривающие анализ пословиц и поговорок, за которыми стоит большой культурный пласт. Так, в одном из упражнений учебника для 5 класса приводятся русские пословицы и поговорки о патриотизме, о доброте: *Доброе слово дороже богатства. Человек без родины, что соловей без песни...*

2. Тексты об известных людях

Например, в учебнике по русскому языку для 5 класса представлен текст об известном лётчике Тохтаре Аубакирове, писателе Мухтаре Ауэзове и др.

3. Тексты исторической тематики, раскрывающие значимые исторические факты, интересные сведения из жизни великих людей.

Так, в учебнике по русскому языку для 9 класса представлен интересный материал о Суворове; текст «Сказание о Кремле» и др.

К данным текстам не приводятся задания, развивающие лингвокультурологические компетенции, однако они представляют культурную ценность своим содержанием, приобщают к национальной культуре, следовательно, необходимо не просто определить основную мысль этих текстов, пересказать и озаглавить, а рассмотреть эти тексты с точки зрения культурной значимости.

После выполнения задания к упражнению №89 мы предлагаем послетекстовые задания:

- Найдите в тексте культурную информацию, которая в нем заложена.

- Как шло строительство крепости, которая стала потом именоваться Кремлём?

- Обратите внимание на различные объяснения происхождения слова *кремль*. Одна из версий происхождения этого слова выведена из понятия «кремень», т.е. крепкий. Какую историческую, государственно-политическую, духовную и культурную ценность для Москвы представляет Кремль?

- Откуда пошло выражение *Москва Белокаменная*?

4. Тексты о природе и быте народа. В учебниках по русскому языку приводятся тексты из произведений Л. Толстого, М. Пришвина, И. Бунина, К. Паустовского, И. Тургенева, В. Бианки, Ф. Унгарсынова, Абая, М. Ауэзова и др.

В учебник по русскому языку за 9 класс Л. К. Жаналиной, З. К. Ахматжановой, А. Е. Тажимуратовой, М. Т. Байгабыловой включён текст Ю. Арбатова «Матрёшка»: «Матрёшка... Это слово поймут не только русские, но французы и немцы,

гвинейцы и итальянцы, англичане и американцы. Матрёшка – самое популярное произведение русского народного искусства.

Многие думают, что матрёшка – очень древняя русская игрушка. На самом деле ей немногим более 100 лет. В конце девяностых годов девятнадцатого века в центре игрушечного производства, подмосковном городке Троице-Сергиевом Посаде (ныне город Загорск), сделали русскую матрёшку. Выточил её опытный игрушечник Звёздочкин, а расписал знаток древнего русского искусства художник Малютин, который изобразил деревянную девочку в русском крестьянском платье, в сарафане и переднике с яркими цветами, с красной вышивкой на сорочке.

В 1900 году, когда русские кустарные изделия посылались в Париж на всемирную выставку, в число экспонатов включили и матрёшки. Посыпались заказы из Франции, Германии, Англии, США... С тех пор эта игрушка покорила весь мир.

Матрёшка – народная деревянная игрушка, а народные сувениры являются подлинными визитными карточками страны, её культуры, её искусства.

Авторы учебника предлагают выполнить задания к этому тексту: Прочитайте и перескажите текст, дополнив его новыми сведениями о матрёшке. Чем она отличается от других игрушек? Знаете ли вы другие народные игрушки? Назовите их.

Преобразуйте монологический текст в диалогический. Диалог постройте в вопросно-ответной форме.

В учебнике по русскому языку для 5 класса представлен рассказ о матрёшке К. Паустовского: «До моего отъезда матрёшка в шали пышного алого цвета стояла на письменном столе. Она была густо покрыта лаком и блестела, как стеклянная. В ней было скрыто ещё пять матрёшек в разных шалих: зелёной, жёлтой, синей, фиолетовой – и, наконец, самая маленькая матрёшка, величиной с напёрсток, в шали из сусального золота. Деревенский мастер наградил матрёшек чисто деревенской красотой – соболиными бровями и рдеющим, как угли, румянцем. Синие глаза их прикрыты такими длинными

ресницами, что от одного взмаха должны были разбиваться вдребезги мужские сердца».

Данный текст представляет собой культурную ценность: является хранителем национальной культуры. Мы предлагаем учащимся этнокультурологический комментарий:

«Она привлекает туристов своей ручной работой и красивой раскраской, но удивляет их особенностью структуры: купишь одну матрёшку, а в ней окажется ещё несколько подобных, но не идентичных. И не каждый догадается, что здесь и кроется разгадка русской души. Русская матрёшка – русская душа, потому что в этой игрушке, как и в Ваньке-встаньке, кроется отгадка тайны русской души. Кажется, что это простая русская матрёшка, и её легко сломать и разобрать, благо, для этого не надо даже особых сил прикладывать: поверни её верхнюю часть – и в руках твоих останутся только детали игрушки. Но нет: на тебя опять смотрит новая куколка, ещё краше и наряднее. Снова и снова делай то же самое – результат тот же. Русская душа, как русская матрёшка, остаётся непознанной. Не познанной для тех, кто хочет найти её простое решение. Русская матрёшка символизирует единение народа, смену поколений при сохранении ментальности русского человека» [Табакова 2014: 33-34].

Предлагаем послетекстовые задания.

Ответьте на вопросы:

- Что символизирует матрёшка?
- Почему матрёшка стала для иностранцев главным сувениром?
- Визитной карточкой какой страны является матрёшка?

Развитию лингвокультурологических компетенций школьников способствует и такой приём обучения, как сочинение по картине.

В учебнике по русскому языку для 5 класса предлагается написать сочинение по картинам (в учебнике представлена цветная картина) «Матрёшка. Русский национальный сувенир», «Кукла из войлока. Казахский национальный сувенир».

Необходимо обратить внимание учащихся на то, что матрёшка символизирует русскую культуру, а кукла из войлока

– казахскую культуру. При описании сувениров предлагаем сделать небольшой комментарий: издревле русские люди жили в лесах, поэтому самым распространённым материалом для изготовления игрушек, сувениров, посуды, теремов было дерево. Русь славилась искусными мастерами. Испокон веков умелые руки народных мастеров создавали сказочной красоты образы, шедевры русского искусства.

При описании казахского национального сувенира предлагаем отметить, что самым распространённым материалом у казахов был войлок. Из плотной толстой материи из валяной шерсти можно было сшить интересную куклу, придав ей национальный колорит.

Таким образом, развитие лингвокультурологических компетенций у учащихся на уроках русского языка появляется при изучении всех разделов русского языка. Развитие лингвокультурологических компетенций у учащихся способствует воссозданию целостной картины духовной жизни народа, его уклада, традиций и обычаев. Достижению этой цели служит культурологический комментарий к некоторым ключевым лексическим единицам. Языковые единицы рассматриваются с точки зрения их национально-культурного содержания.

Основные идеи лингвокультурологической концепции находят всё большее применение в практике обучения русскому языку.

Глава 3 Научные проекты по проблемам диалога культур в творчестве североказахстанских поэтов

В практике обучения широко применяют метод проекта: это может быть работа на уроке над той или иной темой, работа над научным проектированием во внеклассной деятельности, например, в НОУ (научное общество учащихся), групповая или индивидуальная работа учащихся над проектом под руководством учителя.

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, способностей самостоятельно конструировать и использовать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве и критически осмысливать полученную информацию. Метод проектов – это способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться вполне реальным, практическим результатом. Педагоги обратились к этому методу, чтобы решать свои дидактические задачи. В основу метода проектов положена идея, составляющая суть понятия "проект", его прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть и применить в реальной практической деятельности. Чтобы добиться такого результата, необходимо научить детей самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, умения прогнозировать результаты, умения устанавливать причинно-следственные связи. Метод проектов ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную, парную, групповую, которую учащиеся выполняют в течение определенного периода. Выполнение проекта предусматривает использование совокупности разнообразных методов и средств, интегрирование знаний, умений из различных областей науки, техники и творческих областей. Результаты выполненных проектов должны быть "осязаемыми", т.е., если решается теоретическая проблема, то конкретное ее решение, если

практическая - конкретный результат, готовый к внедрению. Выполнение проекта может быть индивидуальным или групповым, но он должен сочетать определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий учащихся. В итоге выполнения проекта предполагается презентация его результатов.

В качестве тем для исследования предлагаем темы, связанные с особенностями творчества поэтов Северо-Казахстанской области: И. Шухова, В. Шестерикова, Б. Канапьянова, В. Горбенко-Сусловой, Ю. Полякова и др.

Этнопоэтический анализ имеет теоретические и практические основы в данной работе и определяет пути приобщения к иноэтнической культуре посредством языка. Этнопоэтический анализ совмещает несколько подходов к стихотворному тексту – этнолингвистический, лингвопоэтический и лингвокультурологический. Специфическая направленность этнопоэтического анализа заключается в том, что он нацелен не просто на необычное при интерпретации слова, но на слово-образ, выполняющее функцию создания или усиления национально-словесной картины мира. Это побуждает выделять не отдельные слова, а относительно устойчивые словесно-образные комплексы, служащие для выражения определённого актуального значения, в родной культуре не имеющего эквивалентного эмоционально-смыслового соответствия.

Северное Приишимье является наиболее ярко выраженным лингвистическим регионом, где взаимодействуют языки двух основных этносов, казахов и русских. В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков и культур. В результате этого соприкосновения на произведения русских поэтов, родившихся и выросших в Северном Казахстане, оказывает влияние казахская культура [В. Шестериков, 2007].

В результате этнопоэтического анализа стихотворений выявлено немало лингвокультурем, относящихся к казахскому

этносу. В то же время поэты используют в своих стихотворениях и русские лингвокультуры. В этом проявляются взаимодействие двух культур в творчестве поэтов, творящих на рубеже лингвокультур.

В настоящее время активно исследуется соотношение национального и универсального в языке и способах мышления. При решении этого вопроса используется понятие «языковая картина мира». Особенности деятельности, специфика знаний, характерных для определенного этноса, находят свое отражение в языке, формируя языковую картину мира. Языковая картина мира позволяет установить круг фрагментов действительности, свойств предметов и их отношений, находящихся отражение в языке, то есть выявить своеобразие мировоззрения, национально-культурную специфику языка, его связь с материальной, духовной жизнью народа.

В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения языков, на котором происходят различные процессы интерференции, охватывающей разные уровни языка. Интерференция на эксплицитно-выраженном уровне (фонетика, лексика, грамматика) исследована достаточно полно в советском языкознании. Проблемы русско-казахской интерференции освещены в работах казахстанских учёных [Копыленко М. М., 1994; 1987]. Однако проблема влияния казахского языка на речь русских, постоянно живущих в Казахстане, исследована недостаточно. Наша задача, как отмечает З. П. Табакова, – обратиться к проблеме интерференции эмпирической, манифестируемой в форме эмоционально-образных представлений. Этот уровень характеризует национально-языковое мировидение человека. Языковая картина мира репрезентирует особенности менталитета говорящего / пишущего носителя языка [Табакова З. П., 2001: 14]. Взаимодействие лингвистических и этнических факторов в поэтических текстах Табакова З. П. выделяет в особое направление – этнопоэтику, считая, что «этнопоэтика изучает особенности аккультурации личности в условиях взаимодействия культур и языков» [Табакова З. П., 2004: 34].

Мы рассматриваем проблему симбиоза культур в поэтических текстах, так как именно здесь исключено случайное употребление этнопоэтизмов – этнозначимых слов и оборотов речи, являющихся предметом исследования этнопоэтики. Поэзия требует точного подбора слов, так как автору нужно в нескольких словах донести до читателя огромное количество информации, которая позволит не просто узнать замысел автора, но сделает его осязаемым, видимым, со своим цветом, запахом, формой. Образы другой культуры не могут быть здесь случайными.

Предлагаем темы проектов, посвящённых исследованию творчества североказахстанских поэтов, образно-смысловая система стихотворений которых основана на взаимодействии двух национальных лингвокультур: русской и казахской.

Тематика проектов

Концепт *тишина* в поэзии Владимира Шестерикова

Концепт «память» в поэтической картине Владимира Шестерикова

Этноокрашенные образы природы в творчестве поэтов Северного Казахстана

Этнопоэтизм «степь» в творчестве поэтов Северного Казахстана

Этнопоэтизм «ветер» в творчестве поэтов Северного Казахстана

Этнопоэтизм «попынь» в творчестве поэтов Северного Казахстана

Концепт *береза* в поэзии Владимира Шестерикова

Концепт *цвет* как проявление ментальности в творчестве Владимира Шестерикова

По мнению З. П. Табаковой, семантическая структура концепта включает:

- понятие, которое совпадает с лексическим значением слова и может быть уточнено в толковом словаре;
 - ментальное содержание, которое определяется национальными представлениями и описывается в лингвокультурологии.
- Каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает

помимо смыслового содержания ещё и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту;

- этническая составляющая не является обязательной для всех концептов и зависит от степени взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур;

- интеллектуальный компонент как отражение мировой культуры;

- субъективно-авторское восприятие поэта [Табакова З. П., 2014: 75].

Северо-Казахстанская область представляет большой интерес для историков, этнографов, культурологов и лингвистов. С точки зрения лингвокультурологии данный регион интересен именно тем, что здесь происходит взаимопроникновение столь разных языков и культур. З. П. Табакова, автор элективных курсов «Этнопоэтика» и «Лингвокультурология», а также статей, посвящённых исследованию концептов, отмечает: «В условиях контактного двуязычия образуется поле соприкосновения двух языков и культур и формируется особая коммуникативная среда. Использование в рамках русскоязычного контекста слов с инонациональными этнокультурными значениями, в частности казахскими, свидетельствует о взаимодействии двух национальных лингвокультур – русской и казахской. Культура народа опосредована языком. Между языком и культурой имеется параллелизм, поэтому взаимопроникновение культур влечет за собой и взаимовлияние языков» [Табакова З. П., 2001: 29]. Подобное взаимодействие наиболее ярко выражено в творчестве местных поэтов.

Тема: Концепт «память» в поэтической картине
Владимира Шестерикова

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения и развития когнитивных аспектов языка, необходимостью проведения концептуальных исследований, а также изучения творческого

наследия поэтов, в творчестве которых проявляется взаимодействие лингвокультур.

Объектом исследования являются стихотворения поэта Северо-Казахстанской области Владимира Шестерикова.

Предметом исследования является концепт «память». Средства выражения данного концепта разнообразны, они не ограничиваются одним словом, выходят за рамки синонимического ряда, выявляются в определённом высказывании или целом стихотворении.

Целью исследовательского проекта является исследование концепта «память» в творчестве Владимира Шестерикова.

Для достижения поставленной цели необходима реализация следующих задач:

- 1) Изучение теоретической основы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии;
- 2) Уточнение содержания понятий «картина мира», «языковая картина мира», «поэтическая картина мира», а также терминов «лингвокультурема», «этнопоэтизм»;
- 3) Исследование понятийного, ментального, интеллектуального, этнического и индивидуально-образного контентов концепта «память» в поэтической картине Владимира Шестерикова;
- 4) Установление отличительных признаков концепта «память» в русской и казахской культурах;

Исследуя ментальную составляющую концепта «память» в творчестве местного поэта Владимира Шестерикова, обратимся к изучению памяти в русской и казахской культуре.

В первую очередь обратимся к пословицам и поговоркам русского народа, потому что пословицы – это мудрость веков, передающаяся из поколения в поколение. В словаре пословиц и поговорок русского народа В. И. Даля в категории «память» зафиксировано 59 пословиц и поговорок.

Мы считаем, что в поэтической картине мира Владимира Шестерикова отражаются не только доминанты русской культуры, но и культуры казахского народа. В его поэзии

концепт *память* связан с войной, семьёй, детством, Родиной, историей, дружбой, любовью, дорогой, искусством.

В поэтической картине Владимира Шестерикова концепт *память* представлен достаточно широко. Большое количество стихотворений написано о войне, о различных её этапах: начале, ходе войны, долгожданной победе и итогах войны.

В стихотворении «Из той тишины» поэт, живя уже в мирное время, пишет об итогах войны. Война забрала лучших поэтов и пахарей. Словно идя по тропинке, мы погружаемся в эти воспоминания, в эту «грозную память». Поэт употребляет эпитет «грозную», потому что война связана с суровыми и жестокими воспоминаниями:

Тропинками мирного лета
Я в *грозную* память иду...

В другом своём стихотворении под названием «Солдат» Владимир Шестериков употребляет синонимичный эпитет, описывая солдата в мирное время:

Нетороплив высоких мыслей бег,
Дни *грозовые* в памяти не стерты...

В стихотворении «Сухарь» перед нами предстает небольшая история сына о том, как его отец, идя фронтовой дорогой, «доставал хрустящий сухарь», и теперь в памяти сына вечно будет жить воспоминание об этом сухаре, он с гордостью собирает крошки со стола. Сухарь предстаёт перед нами как собирательный символ, вобравший в себя воспоминания о доме, поле, отце. В этом стихотворении память историческая переплетается с памятью семейной: воспоминания о войне одновременно связаны с воспоминаниями об отце:

Я, как и он, навек запомнил,
Собрав все крошки до одной,
Пропахший дымом, полем, домом,
Бодрящий дух, сухарь ржаной.

В поэзии Владимира Шестерикова историческая память связана не только с событиями Великой Отечественной войны. Стихотворение «Звенели в ошеломленной степи...» посвящено неудачному походу русских князей на половцев, предпринятому

новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году. К этим событиям нас отправляет эпиграф «Гремят о шеломы мечи», взятый из «Слова о полку Игореве». Поэт, вспоминая события того времени, скорбит о погибших. Он использует эпитет «лихие», словно напоминая нам о том, что эти годы принесли беду и злобу:

Ты помнишь, как шли эшелоны
На запад в лихие года,
И сколько осталось шеломов
На *по*лена ратном тогда.

В этом стихотворении явно прослеживается взаимовлияние двух культур: казахской и русской, что является этнической составляющей исследуемого нами концепта. Поэт использует лингвокультуре́мы разных народов: *сте́нь* (в заглавии стихотворения) – лингвокультуре́ма казахского народа и *по*ле – русского народа. Степь для казахского народа не только отражение жизни и быта, но также хранилище исторической и духовной памяти народа:

И сколько тайн в степных просторах
Здесь словно вековая боль,
Хранится в дремлющих озёрах
Седая боль,
Седая соль.

Стихотворение «Надежда» посвящено матери Владимира Шестерикова Надежде Ермолаевне. Поэт обращается к семантике имени: надежда всегда жила в душе матери и помогала преодолеть все трудности на жизненном пути. Несмотря на тяготы жизни, мать привила сыну самые светлые чувства – надежду, веру и любовь, поэтому поэт с гордостью и благодарностью вспоминает о матери:

Надеясь, веря и любя,
Я помню с гордостью, как прежде:
Хотя на свете нет тебя,
Я сын Надежды, сын Надежды.

Владимир Шестериков посвятил стихотворения своей жене и дочери, много стихотворений написано об отце. Память об отце

дорога не только сыну, но и всему народу. Народ будет помнить имя отца поэта, потому что он был «первый, кто посеял здесь хлеб», он проложил первую борозду в родном совхозе «Чистовский». Именно эту историю рассказывает Платоныч в стихотворении «Отцовская нива». Сын горд за отца, хотя его подвиг и не был зафиксирован на бумаге, зато навечно останется в народной памяти. В этом примере мы вновь видим соприкосновение двух видов памяти: народной и семейной:

... Не сельсовет и не вече,
Без разных бумажных забот
Навечно увековечил
Отцовскую память народ.

В сознании русского человека хлеб является не просто источником питания, это— часть традиции. Ни один русский праздник не обходится без традиционной выпечки. В русской энциклопедии хлеб описывается, как один из наиболее сакральных видов пищи, считается символом достатка, изобилия. Хлеб понимается как Божий дар, а также как самостоятельное живое существо, иногда и как образ самого Бога. Считается, что к хлебу следует относиться с уважением и почтением. Многие обряды связаны с хлебом и солью. В стихотворении «Планета» хлеб – это целая планета. Хлеб дышит полем, потому что пшеница, из которой получают муку для выпечки хлеба, возвращена на полях. Хлеб вобрал в себя все тепло и солнце полей:

Маленькую круглую планету
Достают неспешно из печи.
Дышит она полной грудью поля,
Сколько солнца ей дано хранить.

В стихотворении «Баллада о хлебе» рассказывается о военном хлебе, «замешанном на дрожжах горя людского». Войне отведено особое место в творчестве поэта, автора не покидают воспоминания о хлебе, выданном по карточкам. Военный хлеб особенный, им дорожили, в военное время хлеб был скрытой надеждой:

В пшеничном разгуле полей,

В колосьях звонко раскатистых,
Мне вспоминается хлеб,
Выданный по карточкам.

Владимир Шестериков пишет и о своём детстве. В одном из стихотворений, которое так и называется «Детство», перед нами не только детские воспоминания, а детство как начало жизненного пути:

Я припомнил детство, где когда-то
Начинался жизненный разбег.

В стихотворении «Чёрный жаворонок» вспоминается старый русский обычай, когда мамы ранней весной пекли детям чёрных жаворонков из теста. Дети прятали их за пазуху и бежали в поле:

Всегда, я помню, в дальнем детстве,
Лишь снег сойдёт и станет даль светла,
По старому обычаю из теста
Нам жаворонков мать в печи пекла.

Детство – самая светлая пора человеческой жизни, недаром все взрослые люди хоть на минуту, но хотели бы вернуться туда. Холодными зимними вечерами человеку душу согревают воспоминания о нём. В стихотворении «Хоть метёт свирепо вьюга...» поэт вспоминает мельчайшие детали детства, за долгие годы не забыты «запах луга», «вкус водицы», «ширь простора голубого и печаль родных полей». Эти детали позволяют нам отметить такие виды памяти в стихотворениях Владимира Шестерикова, как зрительная память, вкусовая память и память на запахи. Поэту хочется остановить время, чтобы вновь ощутить все это:

И всё то, что душу греет,
Что потом всю помнишь жизнь,
Повелеть бы: «Ну-ка, Время,
Подожди! Остановись!

В стихотворении «Всё проходит...» вновь встречаем память на запахи, звуки и зрительную память. Поэт помнит хлеб с «ароматом скошенных полей», «глоток воды», «шум дождя»,

«дымок русской печки», луг, опушку берёзовой рощи. Эти моменты вечны, их невозможно забыть, невозможно разлюбить:

Да ещё дымок от русской печи
Будет в нашей памяти клубить...
Всё проходит, остаётся вечно
То, что никогда не разлюбить!

Печь – это лингвокультурема русского народа. Поэт подчёркивает, что печь русская, даже на казахской земле.

Владимир Шестериков – поэт высокой культуры. В его стихотворениях проявляется явное неприятие исполнителей современной эстрадной музыки. С сожалением он пишет о том, что позабыты песни прошлых лет. Поэт не видит смысла в творчестве некоторых певцов, в его памяти лучшими остаются старые русские песни: «Калинка», «Катюша», «Шумел камыш»:

Позабыты – позаброшены
Наши песни прежних лет...

Воспоминания в поэзии Владимира Шестерикова связаны с дорогой или же различными её ипостасями: это могут быть тропинки мирного лета, по которым идёт солдат и погружается «в грозную память», в воспоминания о юности спускаются по «крылечку лет»:

... то, пожалуйста, почаще в юность,
Вы спускайтесь по крылечку лет.

Это может быть фронтовая дорога, по которой идёт солдат. В другом стихотворении это туннель – тоже своего рода путь, по которому мчится поезд воспоминаний.

Темами проектов могут быть этноокрашенные образы природы в творчестве поэтов Северного Казахстана. В первом разделе исследований данной тематики необходимо рассмотреть вопросы об отражении в национальном пейзаже русской ментальности: национальный пейзаж и основные пространственные модели, пейзаж как категорию поэтического текста, языковую картину мира и особенности межкультурной коммуникации, этнокультурные особенности описания пейзажа.

Вторая глава может быть посвящена описанию этноокрашенных образов природы в стихотворениях поэтов Северного Казахстана: этнопоэтизм *степь, ветер, полынь*.

Тема описания природы сегодня становится особенно актуальной, так как связана не только с проблемой самоидентификации каждого человека в окружающей его действительности, но и с культурной самобытностью. Это особенно актуально в условиях нашего региона, на территории которого живут и активно взаимодействуют два крупных этноса – русские и казахи. Как отмечают многие мыслители, не зная своих истоков, особенностей своей культуры, которая во многом складывается в определённых природных условиях, нельзя в полной мере понять другого человека. З. П. Табакова – автор концепции этнопоэтического анализа текста и идеолог этой школы – приводит в этой связи слова К. Д. Ушинского: «В языке одухотворяется весь народ и вся родина: в нём претворяются творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, её воздух, физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа» [Табакова З. П., 2001: 3]. Чтобы понимать особенности менталитета другого народа, необходимо тщательно изучить свою природу, характер мышления и язык. Природа оказывает влияние на историю народа, особенности его национального менталитета. В этой связи хотелось бы привести пушкинское определение народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особую физиономию», – писал великий поэт А. С. Пушкин [Пушкин А. С., 1987: 238].

Этнопоэтизм «степь» в творчестве поэтов Северного Казахстана

Цель проекта – выявить этнокультурные особенности описания пейзажа в лирике североказахстанских поэтов.

Объектом исследования является лирика северо-казахстанских поэтов (И. Шухова, В. Шестерикова, В. Горбенко-Сусловой, Ю. Полякова и др.). Явления интерференции, по мнению З. П. Табаковой, на уровне восприятия окружающего мира человеком, прикоснувшимся к другим языковым картинам мира, наиболее наглядно проявляется в поэзии, так как поэтическому тексту изначально присуще эмоционально-образное восприятие действительности [Табакова З. П., 2001: 49].

Предмет исследования – языковые особенности поэтической картины мира при описании степи.

Новизна данной работы состоит в том, что в ней анализируются особенности языковой картины мира в изображении пейзажа. Основной интерес для исследования представляет творчество В. Шестерикова, Ивана Шухова. В казахстанской лингвистике ранее не рассматривалась поэзия других североказахстанских авторов, таких как А. Пряникова, В. Горбенко-Сусловой, В. Любушина, В. Долгушина и других поэтов, чьё творчество предоставляет богатый материал, так как все они описывали родные пейзажи и воспевали степь.

Североказахстанские поэты в своих произведениях не просто бессознательно используют симбиоз двух культур для создания своей картины мира, но и показывают, как степь оказывает сильное влияние не только на людей, животных, она оставляет свой неизгладимый след на всем, что с ней соприкасается. Прожив практически всю жизнь в многонациональном Казахстане, находясь на стыке взаимодействия двух культур, поэты впитывали в себя традиции, символы, черты, характерные для русского и казахского народов. Поэтому языковая картина мира поэтов отражает особенности менталитета представителей двух братских народов: русских и казахов. Так, в произведении Ивана Шухова «Моя поэма», посвящённом степи, автор рисует ямщицкую тройку, запряжённую чудо-конями, описание которых несвойственно русской культуре. Кони из поэмы и природная стихия – это почти единое целое:

Степной бесхитростной закваски
С хмельным мерцаньем жарким глаз
Рвались пристяжки к перепляске,
Когда пурга пускалась в пляс.
Не кони – призраки. Видения.
Печаль завистливых станиц.
Мгновенья светлых сновидений.
Полёт упавших с неба птиц!
Не гривы – смесь огня и выюги,
Хвосты – тугие паруса.
Рвались постромки от натуги.
Вальки летели в небеса!

Шухов И. Моя поэма

Эти кони – не прирученные лошадки извозчиков, таких коней могла породить только степь. Их буйный нрав от степных ветров, которым впору надувать паруса, но нет у них такой свободы, их удел – лишь «плеск ковыльных волн».

Ярким, красочным языком рисует Шухов замечательные картины природы, столь знакомые с детства. Тема природы раскрывается в его стихотворениях: «Птицы», «Осень», «Весеннее».

Анализируя поэзию В. Шестерикова, можно заметить, что при описании Родины и её реалий, поэт также демонстрирует умение воспринимать степь и родной край на уровне чувств, эмпирически. Так, он часто использует определение *горький*, что можно объяснить не только большим количеством произрастающей в степях полыни, пронизывающей воздух данного региона, но и ощущением грусти, тоски, воспоминаниями об утраченном. Автор, проживающий на территории, большую часть которой составляют степи и озера, по-своему ощущает вкус родных и близких ему понятий: *Вода в степи бывает горькой, и даже ветры солоны...* (Шестериков В. И сколько тайн в степных просторах)

В культуре казахского народа всегда главенствовала идея согласия с природой. Живя по законам природы, кочевой человек выращивал скот, растил детей. От джута гибли скот и

растительность, а человек оставался наедине с непогодой, на грани жизни и смерти. Таким образом, печальная весть по силе своего отрицательного воздействия сопоставима с тяжёлыми последствиями джута.

Цивилизация, или «рыжий бог», пришедший на смену живописных картин первозданной природы, изменила спокойную жизнь степного человека: «В больших котлах / помешивая солнце, / В брезентовой штормовке / рыжий бог/ То утренней зарей в окно ворвётся, / То вдруг закатом выкрасит порог» (Шестериков В. Горячий цех).

Североказахстанские поэты пишут, что «бетонные плиты» вторглись в их мир гармонии, мир «вечного сада», «где яблоки зноем налиты, где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музы, где ветви согнулись под тяжестью спелого груза, где корни деревьев арычною влагой омыты...» (Канапьянов Б., Ностальгия по детству). Поэтому с осуждением, укором звучит вопрос: «Ну, где твоя почва, железобетонная осень?».

Продолжая эту тему, Юрий Гусинский объясняет, что храмом для степи теперь стал пыльный элеватор:

Поката степь. Ни в чем не виновата.
Благословил целинное бытие
Храм пятиглавый – пыльный элеватор,
Прославя земледелие мое.

Гусинский Ю. Храм земледелия

Теперь «степное сердце» «не слышит боли и тревоги», и «цветы её к полудню съела ржа», и «земля отпела песню полонянки на лезвии весёлого ножа», и «скрипит земная ось» (Гусинский Ю., Храм земледелия).

Для введения читателя в особый мир казахских степей поэты Северного Казахстана часто используют казахизмы-экзотизмы, передающие наиболее полное ощущение своеобразия описываемой местности: «Ковыль струной из серебра, трепещет, как домбра...» (Гусинский Ю., Борозда), «Спят камыши, как воткнутые копыя, / Забытые джунгарами давно» (Чистяков М., Зайсан). В данном отрывке особое значение представляет для нас лексема «джунгары»,

являющаяся тюркизмом. Это название воинствующего племени, совершавшего набеги на казахские поселения в средние века. Но особенно интересны в этом контексте слова *камыш* и *копья*.

Слово «камыш» пришло «из тюркского языка в XVIII в.», полностью освоено русским языком и зафиксировано в словарях. Например, в словаре С. И. Ожегова: «камыш – высокое водяное или болотное растение из семейства осоковых».

Слово «копье» – собственно русского происхождения. «Образовано от *копати* – бить, ударять», т.е. «то, чем бьют, ударяют». Мы видим, что оба эти слова этнопоэтизмами быть не могут, потому что они отмечены в русских этимологических словарях. Но лексема *джунгары* – этнопоэтизм. Она высвечивает в лексеме *камыш* тюркские корни, которые заметит в этом тексте даже непосвящённый человек. А лексема *копье* воспринимается как тюркизм, тюркизмом не являясь. В индивидуальной языковой картине мира поэта данные лексемы органично связаны. Естественность их сочетания в поэтической строке говорит об их глубоком проникновении в языковое сознание поэта не только в качестве единиц номинативного плана, но и для выражения индивидуально-образного представления об окружающем мире.

Переплетение русского и казахского мировоззрений на примере образа степи поэтами используется непрерывно. При этом и сами поэты признают это переплетение (В. Шестериков: «Я к племени славян принадлежу, но родом я из Казахстана», Шухов И.: «А теперь, / Когда днем вчерашним / Отмерцала целинная быль, / Плодородные / Чёрные пашни / Заменяли / Певучий ковыль» (Шухов И. Отрывок из «Моей поэмы»). Сейчас, когда наступило новое время, появилась совсем иная тоска:

Снились им
Соловьи Заднепровья.
Русокося Беларусь.
Положила
Им в изголовье

Материнские руки
Русь...
Только в снах –
Заревых, недолгих –
Снятся степи мне
Тех времен...

Из приведённого отрывка ясно видно, что человеку свойственно сродниться с той средой и культурой, в которой ему суждено жить, более того иметь *степное сердце* (...*Там в глубине степное сердце спит* (Канапьянов Б., Зов) и ценить степной простор.

Североказахстанские поэты воспевают степь в её разных ипостасях, восторгаются ею, утверждая её вечное бытие:

Что случится или не случится,
Только знаю – будет вечно степь
Светом звезд в высоком небе литься,
Травами печально шелестеть

Шестериков В. С радостью щемящей или болью

Причём поэты описывают милый сердцу степной край не поверхностно, не с внешней стороны, а наоборот, проникаясь всем сердцем и душой, их описание психологично.

Русская культурная традиция, которая прослеживается и на уровне образов, в виде упоминания поэтом лингвокультурем *поле* (*даль полей*), *дорога* (*просёлочные ниточки дорог*), *грусть-тоска* («И в сердце грусть, как облако нахлынет..»), перекликается в данном стихотворении с казахской культурой, в которой главными реалиями жизни казаха являются *степь*, *попынь* («Какие руки эту степь попынную / Смогли так щедро / Миру распахнуть?»), *кони*, причём этот образ связан в сознании поэта с тонкой, филигранной поступью животного («Опор ажурных непрестанный бег»), *ковыль* («Полёт ковыльной пряжи», «Шуршанье ковыля»). Взаимосвязь элементов русской и казахской лингвокультур в языковом сознании поэта приводит к тому, что и те, и другие образы одинаково милы его сердцу и одновременно участвуют в создании одного целостного образа – образа Родины:

Нет ничего вокруг –
Есть только Родина
Да неоглядный, милый сердцу край.

Более того, родство со степью для местных поэтов – это как любовь к матери. Отношение к родине как к земле – матери прослеживается как в русской, так и в казахской культуре. Так, Земля для русского человека – это мать. Выражение «Мать сыра Земля» восходит к русской мифологии, это богиня Земли, мать всего живого, дающая всему силу, в том числе и человеку. Отношение русского человека к земле как к матери закреплено и в устном народном творчестве: *Добра мать до своих детей, а земля – до всех людей!; Мать сыра земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом прогревает!; Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!* и др.

Казахи также называют землю матерью:

Просторов твоих не объять...
Родился я, рос и мужал.
Среди твоих вольных равнин,
Без края широкая степь!
Ты – мать мне, я – кровный твой сын...
Законный, любимый твой сын

Джансугуров И. Избранное

Но понятие *мать-земля* у русских и *степь-мать* у казахов имеют разные семантические оттенки. Для русского человека земля – мать не только потому, что она породила человека, а прежде всего потому, что она кормит, дает урожай: «Гой, / Земля еси сырая, / Земля матерая, / матери нам еси Родная! // Всех еси нас породила, / Воспоила, вскормила / И угодем наделила; / Ради нас, своих детей, / Зелий еси народила / И злак всякой напоила...» (Русская народная песня).

Казахи воспринимают степь как родную мать потому, что она дала им жизнь. Традиционным занятием казахов было разведение скота: казахи-кочевники не обрабатывали землю, степь не давала им урожая. Поле метафорически предстаёт в образе приятных для осязания шелков:

Побродить бы мне во чистом поле

По зелёным ласковым шелкам.

Шестериков В. С радостью щемящей или болью

Кроме непосредственного описания степи, в анализируемой нами лирике встречаются и другие этнозначимые образы степи, с ней связанные. К ним можно отнести птиц: *сокола, ястреба (край ястребиный* (Ю. Гусинский), *орла* (Б. Канапьянов), *лебедя* (В. Шестериков), *дергача, беркута (напуганный мотором беркут* Ю. Гусинский); животных (*коней, сайгаков, зайцев*), насекомых: *пчёл* (Ю. Гусинский), *ос* (жадные осы), *стрекоз* и *кузнечиков* (Б. Канапьянов); *рыб: щук, карасей (литые караси* (Ю. Гусинский), *деревьев (берёзы, сирени живой аромат, яблоки зноем налиты* (Б. Канапьянов), *трав (полыни, ковыля, клевера, осоки (вьются в кудрях клевер и жаркий чабрец* (Ю. Гусинский), *«Правый берег Ишима зарос ежевикой* (Ю. Гусинский), а также географических реалий: *озёр, рек, сопок: «Остры / пики сопок Жеман-ахмет»* (Шухов И. Песня о джуге, красной звезде и большом джигите).

Все эти реалии жизни североказахстанца поэтично переосмысливаются авторами и приобретают этническую окраску. Так, птицы уподобляются степному Батыю, воинам:

Зрячий ястреб –
Батый разбоя –
В поднебесии вис
И парил.

Шухов И. Моя поэма

Река в своём стремительном потоке сравнивается с конём:

Правый берег Ишима зарос ежевикой росной,
Мчится он в птичьем визге, дикий, как жеребец.

Гусинский Ю., 1960-й

Более того, вся степь превращается в нечто парящее, как птица, издающая звуки, подобные жеребцу, полная разнотравья и другого природного изобилия:

Степь тихо ржёт, как кобылица,
Звенит, как утренняя птица,
Щебечет в древней тишине,

Над ней туман еще струится,
Под ним трава еле дымится...

Гусинский Ю. Борозда

Попоной рыжей мчит навстречу степь...

Гусинский Ю. Байга

Таким образом, мы видим, что тема коня в разных ракурсах постоянно перекликается с темой природы, так как конь – неотъемлемый атрибут жизни кочевого казахского племени, а «дробный зов подков, который на равнинах раздаётся, вошёл тревожным зовом в мою кровь, с лучом раскосым кочевого солнца» (Шестериков В. За косогором колосится рожь...). Лошадь в жизни казаха играла столь разнообразные роли, что даже наименований у нее в казахском языке значительно больше: «ат, бие, айгыр, кулун (жеребенок до 1 года), купан (полтора года), тай (2 – 2,5 года), жылкы, асау (необъезженная лошадь), журик (скаун), тулпар (быстроходный скаун), мастек (скаун на долгие расстояния), жайдак (лошадь для домашних работ), торго (лошадь на откорм), аргамак, гунан (трехлетний жеребенок), даган (двухгодовалый жеребенок), дунан (жеребенок по четвертому году), кабарга (тощая кобылка).

Этнопоэтизм «полынь» в творчестве поэтов Северного Казахстана

Объектом исследования являются произведения местных поэтов, пишущих на русском языке, но испытавших влияние казахской культуры.

Предметом исследования является этнопоэтизм «полынь» в русской ментальности и его интерпретация в поэзии местных авторов.

Лингвоанализ поэтических текстов позволяет сформулировать гипотезу особого художественно-модулируемого мира авторами двуязычных регионов. Интерферирующее с русской речью «чужое» слово становится нормой для проявления определенных психических моментов жизни автора, проявления его духовной жизни.

Цель исследования – провести этнопоэтический анализ в произведениях местных поэтов для описания смысловой структуры этнопоэтизма *полынь*.

Методы исследования: 1) Метод лингвистического анализа, который дает возможность декодировать не только ту картину мира, которую описал поэт, но и проникнуть в мир души автора. 2) Метод этнопоэтического анализа, который акцентирует внимание на тюркском компоненте в русской духовной культуре и языке. Также применены методы: сопоставительный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, частично биографический метод.

В регионе Приишимья ярко выражено соприкосновение культур: казахской и русской. Культуры взаимодействуют, порождая восприятие реальной действительности, свойственное другому этносу. Одинаковая географическая среда, единые условия существования оказывают влияние на психический склад представителей взаимодействующих культур. Личность на рубеже двух культур формируется под воздействием культуры родного эпоса, но испытывает некоторое влияние культуры другого народа. В результате такого взаимодействия складывается региональная субкультура. Она своеобразна: в ней наблюдается наложение двух ментальностей, русской и казахской.

Научная новизна: в работе впервые проведён этнопоэтический анализ стихотворений поэтов, написанных на рубеже лингвокультур, в результате которого выявлены особенности этнического восприятия полыни в казахском и русском менталитете.

Этнокультурный слой компонента «полынь» можно обнаружить, изучая особенности его объективации в североказахстанской лирике. Изобилие полыни в степях Северного Казахстана и Средней Азии определяет особое отношение к этой траве и ко всему тому, что с ней связано, полынь ассоциируется со вкусом родной степи. Так, поэт Б. Канапьянов пишет:

Степь поила меня молоком молодой кобылицы.

Помню, полынью горчило оно.
И тянет, и тянет из чаши той вечной напиток...

Степь

В лирике В. Шестерикова определение «горький» часто сводится к характеристике полыни, в некоторых случаях наблюдается полная синонимическая замена номинацией «полынный», усиливающей оттенок негации по принципу восходящей градации. Ощущение горького запаха находится в пресуппозиции, так как оно понятно всем носителям языка, следовательно, его экспликация факультативна, а указание на источник вкуса полыни значимо, так как она уподобляется тому, кто причиняет зло, кроме этого, свойства полыни, ее воздействие на субъекта могут быть объяснены и этимологией слова, которое восходит к *pole^{ti} и связано с глаголами «жечь, палить, гореть»:

Нехитрые просторы

Ветров полынных злость.

Шестериков В. Степная Родина

В ряде высказываний лексема «горький» получает пейоративную оценку. Как правило, те эмоции, чувства, явления действительности, которые характеризуются субъектом как неприятные, получают определение *горький* или *полынный*: *горькие слезы, полынная тоска*, например:

Жаман – Шубар, полынная тоска.

Проросшее пшеничным злаком слово

Шестериков В. Жаман-Шубар

В данном стихотворении аул Жаман-Шубар связан для поэта с понятием *полынной*, или *горькой*, тоски, потому что лирический герой Сабит пережил здесь тяжёлые мгновения: нищету, холод, обиды на несправедливость судьбы. В данном примере, на наш взгляд, можно говорить об этнопоэтизме *полынь*, который является неотъемлемым атрибутом характеристики малой родины. Для русского человека понятие *тоска* получает определение «сердечная», однако, характеризуя казахский топоним, поэт использует в качестве художественного приёма отклонение от нормы сочетаемости слов: *полынная тоска*.

Интерферирующее с русской речью «чужое» слово –*попынный*– становится нормой для проявления психологических моментов жизни автора, проявления его духовной жизни.

В пользу того, что полынь является этнопоэтизмом, свидетельствует и особое контекстуальное «окружение» этой единицы в ряде случаев. Рассмотрим выражение «попынные песни» в стихотворении В. Горбенко-Сусловой:

Матушка-земелька... Слезы по щеке
И попынны песни. В траурном платке.
И ковыльной степью седина твоя,
А вокруг слетелись стаи воронья.
Вся земля – Господня

Если ковыль, степь и полынь – реалии жизни казахского народа, то матушка-земелька, траурный платок, песни – элементы русской, христианской культуры. Для автора горечь полыни не просто неприятный вкус растения, а скорее доведённая до предела горечь библейской полыни, отдающая смертью, поэтому автор рисует образ кладбища [Макарова О. В., 2011].

Другой пространственно-временной образ - река Детства - наполняется для лирического героя горьким вкусом, так как детство также быстротечно, как и река:

Дорога из дома, как камень тяжёлый.
Как будто полынь на губах – горька:
Не всех навестила. Не всех угостила.
И вновь не пришла к тебе, Детства Река.
Дорогая из дома

Тема войны, битв за родную землю прослеживается в ряде стихотворений В. Шестерикова («Ничего мне больше и не надо...», «На кургане», «В печурке белой яростно горят...», «И сколько тайн в степных просторах...», «Петропавловск»), и именно через образы природы он воссоздаёт картину прошлого. Казахская земля помнит «давние сечи», поэтому горечь от потери близких связана для поэта и с запахом полыни («Задохнись горьким счастьем, полынь, / Чтоб запахло горечью лето»), и с позабытыми курганами («И я вижу сквозь тихий туман, / Что ветрами с озера сдунут, / Позабытый всеми курган /

Со своей одинокою думой»), и «просторами, рассеченными мечом», и навсегда догорающими цветами («А над ними мятежно светлы, / На просторах, мечом рассеченных, / Навсегда догорают цветы, / Словно память о давних сечах»).

Итак, мы выяснили, что немалое место в пространственном мировосприятии североказахстанских поэтов занимает этноокрашенный образ полыни. Непривлекательная на вид полынь запоминается своим особым горьковатым запахом, который местные поэты воспринимают как запах степи и запах дома.

Этнопоэтизм *ветер* в творчестве поэтов Северного Казахстана

Цель проекта – выявить этнокультурные особенности описания ветра в лирике североказахстанских поэтов.

Объектом исследования является лирика североказахстанских поэтов И. Шухова, В. Шестерикова, В. Горбенко-Сусловой, Ю. Полякова.

Предмет исследования – языковые особенности поэтической картины мира при описании ветра.

В исследовании используются методы контекстологического анализа, а также методики лингвопоэтического и этнопоэтического анализов, которые особенно необходимы для выявления взаимосвязей русской и казахской лингвокультур.

Рассмотрим образ ветра, попытаюсь понять, как проявляется явление интерференции на материале поэтических текстов местных авторов, объектом описания которых выступает ветер.

Стихи И. Шухова отличают лиризм, сыновняя любовь к Северному Казахстану – краю ковыльных степей, больших и малых озёр, светлых берёзовых колков, свежих ветров и метелей. Все это до конца дней оставалось для писателя самым близким и родным, живительными соками питало его талант. Концепт *ветер* в поэтике Шухова представлен тремя ассоциативными реализациями. Первая – это реальная природная стихия, отражающая специфику климатических

условий Северного Казахстана. Ветра Севера сильные, холодные, порой разрушительные. Знающий характер степного ветра, испытавший на себе его суровый нрав, Шухов наделил его эпитетами: *дикий, буйный, гулкий, сильнокрылый* и рядом других:

...На дворе от стужи жалко, робко
Пес скулил по ветра гулкий шум.

Письмо

Иногда действия ветра подобны действиям человека. Можно выделить лексико-семантическую группу с глаголами движения, присущими человеку: *глохнет от скуки, прославляет путь, отпевает степной край, буйно пылит, ревёт* и др.

...Заложив за спину руки,
Хожу по ночам,
Где бульвары тихи,
Где глохнут ветра от скуки.
Письмо в редакцию
...Бежали версты.
Пропадая
В степной непуганой глуши
Отпетого ветрами края
Приюта углого души!..

Моя поэма

Другая образная реализация ветра в поэзии И. Шухова – это ветер перемен и жизненных перипетий в судьбе человека. Такой ветер определяется уже иначе – метафорически – эпитетами *свежий, косой, сквозной, встречный*. В толковом словаре лексема «ветер» определяется следующим образом: «Ветер – 1) движение, поток воздуха в горизонтальном направлении. 2) ветер перемен (перен.) – о свежих, новых веяниях в общественной жизни». Метафорически эпитет «свежий», определяющий образ ветра, указывает на перемены в общественной жизни, на обновление не только событий, но и чувств, ощущений, мировоззрений лирического героя. Эпитеты: *косые, сквозные, встречные* - в сочетании с номинацией «ветер» наводят на мысль о том, что это ветры жизненных испытаний,

через которые пришлось пройти, их качественная характеристика *косые ветры*, возможно, символизирует такие жизненные события, которые коснулись судьбы лирического героя, но не оставили глубоких отметин в душе и на сердце; *сквозные ветры* – те, что прошли через судьбу человека, его жизнь, оставив след в душе; *встречные ветры* могут означать неотвратимо надвигающиеся события, которые предстоят в будущем:

...Там прогнали из рода мулл,
Оседлали железных птиц.
Свежий ветер оттуда дул
И ложился у наших границ...
...Свежий ветер дошёл до нас.
Оттого-то устроил той.
Мы за песню твою и рассказ.

Песня о джуге, красной звезде и большом джигите
Если языковая картина мира универсальна, а творцом её является весь народ, то поэтическая картина мира – индивидуальна, она создаётся в текстах одного человека – представителя данного народа. Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской это результат духовной активности поэта.

Глава 4 Культурно-массовые мероприятия по проблемам литературного краеведения

Литературно-краеведческий вечер «Символика цвета в поэтическом мире Владимира Шестерикова»

*Я к племени славян принадлежу,
А родом я из Казахстана.*

Вл. Шестериков.

Цель: постижение мироощущения поэта, творившего в обстановке взаимодействия двух культур (на основе этнопоэтического анализа цветовой символики в творчестве Владимира Шестерикова).

Ход мероприятия

1 ведущий (читает эпиграф).

Этими строками замечательного поэта, нашего земляка Владимира Шестерикова мы начинаем наш литературный вечер. Северо-Казахстанская область дала стране великие в литературе и искусстве имена. Всем нам известны и дороги имена Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Магжана Жумабаева, Ивана Шухова, Владимира Шестерикова, к творчеству которого мы сегодня обратимся.

2 ведущий.

Северный Казахстан – это лингвистический регион, в котором взаимодействуют языки двух основных этносов, казахского и русского. Поэтические строчки русских поэтов отражают не только свою родную культуру, но и ставшую близкой - культуру казахского народа.

1 ведущий.

Живший на стыке двух культур, наш земляк, поэт Владимир Шестериков в своих стихах воспекает родную североказахстанскую землю, взрастившую и вскормившую поэта. Лауреат премии Союза журналистов Казахстана, автор поэтических и прозаических сборников, основатель

литературно-художественного журнала «Провинция» Владимир Шестериков написал много лирических строк о североказахстанской природе, родном городе и истории края. Творческую путёвку молодому поэту дал большой мастер художественного слова Иван Шухов [Кузнецов С. 2011: Электронный ресурс]. Сегодня мы ответим на вопрос: *«Какого цвета Родина в поэтическом мире Владимира Шестерикова?»*
2 ведущий.

Цвет – это не только эстетический эквивалент действительности, но и символ бытия. Определённые цветообозначения чрезвычайно важны для этноса, так как в каждом языке есть свой этнически предпочтительный цвет (этноцвет), отражающий ментальность данного этноса. Такие предпочтения действительно проявляются в религии, фольклоре, поэзии, политике, общественной жизни и других сферах человеческой деятельности [Серов Н. В., 2004: 111].

1 ведущий. Какие этнические цвета русского народа можно выделить?

2 ведущий.

У русского народа в качестве этнических символов выступали красный, белый, синий, голубой и золотой цвета.

Среди любимых и поэтизируемых в России цветов значимое место занимает белый цвет. На Руси «белый» обозначал: вольный, независимый, благородный, праведный: «белая Русь», «белый царь», «белые крестьяне» — свободные от всех податей, «белая земля» — церковная земля. Во время первого сева надевали чистую белую рубашку, клали в семена освященное на Пасху яйцо или его скорлупу, чтобы зерно было такое же чистое и белое.

В старину белый цвет часто нарицательно упоминался славянами, поскольку в белой одежде являлись призраки, привидения и т. п. «Белым человеком» называли на Брянщине домового, на Смоленщине его представляли как мужика с белой бородой, в белом саване и с белым посохом. В русских пословицах белый цвет - символ чистоты, красоты, достатка и радости [Серов Н. В. , 2004: 117].

Чтец 1.

Рубашка *беленька*, да душа черненька.

Бела, румяна - ровно кровь с молоком.

Работа черна, да денежка *бела*.

Белое - венчальное, чёрное - печальное.

Положительная оценка белого связана с добрыми русскими приметами:

Если *белого* голубя бросить на пожар, погаснет;

Красный огонь в печи - к морозу; *белый* - к оттепели;

Чёрная и пёстрая корова впереди стада - к ненастью; *белая* и рыжая - к вёдру.

Белый цвет зафиксирован как символ Руси, родины:

На *белой Руси* не без добрых людей.

Матушка *Москва белокаменная*, златоглавая, хлебосольная, православная...

1 ведущий.

Ярким примером особого мировидения поэта Владимира Шестерикова является стихотворение «Эту землю не охватишь взглядом...»:

Чтец 2.

Эту землю не охватишь взглядом,
Только на три шага отступи,
И - увидишь ниву в неоглядных
Островах берёзовых в степи.
Вьются осы над полями мирными,
Где незримо зреет урожай,
Где холмы, как дерзкие батыры,
Тишину степную сторожат.
Где прошли подобно урагану
В небыль кочевые племена,
Канули под вечными курганами
Всадников забытых имена.
И - суровы перелесков думы,
И - тревожен птиц весенних гам,
И - костями воинов Кучума
По *степи белеть солончакам*.

И кругом, где облака кочуют,
Из расщелин треснутой земли,
Ржавые, как древние кольчуги,
Буйные колосья проросли

2 ведущий.

Владимир Шестериков восхищается необъятными просторами земли, степью с берёзовыми островами. Но при этом в описании появляются образы казахской культуры. Холмы Вл. Шестериков сравнивает с дерзкими батырами. Батыр – смелый, храбрый защитник народа, Родины. Это сравнение могло возникнуть у человека, которому не чуждо ассоциативное начало казахского народа. При описании природы у поэта возникают образы кочевой жизни. Облака в стихотворении не плывут, не движутся, а кочуют, ищут лучшее место на земле. Цвет русского народа *белый* представлен в сочетании с этнически значимым образом казахской культуры *степью*, что свидетельствует о взаимопроникновении двух культур в творчестве североказахстанского поэта Владимира Шестерикова.

Для казахов степь имеет особое значение. Она – мать кочевников, дающая пастбища, еду. Степь отражается в казахской культуре, она вдохновляла поэтов и музыкантов прошлого на создание своих произведений. Степь дарит вдохновение и русскому поэту Северного Казахстана. Ведь именно в казахской степи поэт Вл. Шестериков ощущает связь времён и эпох, настоящего и прошедшего. Он ощущает себя частицей настоящего и прошлого, так как прошлое живёт в окружающей его природе.

1 ведущий.

Помимо белого, излюбленным цветом на Руси был красный цвет. Словом *красный* у русского народа обозначается:
- всё лучшее, высококачественное (*красный товар, красная рыба, красная дичь*);
- всё красивое, прекрасное, сильное (*красная девица, красный молодец*);

- всё редкое, официально высокое, почётное (*красный угол, красная площадь, красная печать, красное место, красная книга*) [Серов Н. В., 2004: 113].

Обратимся к пословицам и поговоркам русского народа.

Чтец 3.

Старость не радость, не *красные дни*.

Пшеницу сей, когда весна стоит *красными днями*.

В данных примерах словосочетание *красный день* выступает со значением праздника, хорошего, тёплого, солнечного, поднимающего настроение дня.

Ради *красного словца* не пожалеет ни матери, ни отца.

Красное словцо не ложь.

Красное слово всегда в пору.

Словосочетание *красное словцо* в зависимости от контекста имеет противоположные значения: с одной стороны, *красное слово (словцо)* – необходимое, полезное, метко сказанное слово, с другой же стороны, *красное словцо* является негативно окрашенным, передающим значение ложного слова.

2 ведущий. Особенности символики красного цвета в поэтическом мире Владимира Шестерикова ярко выражены в стихотворениях «Открыты широко ворота, сугроб у самого крыльца», «Горячий цех».

Чтец 5.

Открыты широко ворота,
Сугроб у самого крыльца...
Не надо плакать, мать!
Да что там.
И дом чужим стал без отца.
И на часах застыли стрелки,
Попробуй, время отыщи,
Мать разливает по тарелкам,
Когда за стол садимся, щи.
И лишь одно пустует место...
Кто б в *красный угол* сесть посмел?
Вдруг колыхнулась занавеска
И ветер в форточку влетел.

И мать дала сигнал к обеду,
За ложку взявшись, наконец,
Промолвив: «Это нас проведать
Сегодня приходил отец...»

1 ведущий.

Красный угол всегда был самым важным и почитаемым местом в русском доме. Он находился в самом видном и почётном месте, по диагонали от входной двери, в дальнем углу комнаты, – так, чтобы иконы, висевшие в красном углу, были увидены первыми. Войдя в комнату, христианин, прежде всего, крестился перед образами и кланялся Богу, и только затем здоровался с хозяевами. Красный угол держали в особенной чистоте, иконы украшали драгоценными окладами, ризами, цветами, зажигали перед образами лампы и свечи. В красном углу усаживали самого почётного гостя или же самого уважаемого члена семьи [Красный угол в православном обычае: Электронный ресурс].

Для лирического героя стихотворения красный угол – это почётное место, которое предназначено только для одного человека – отца, безвременно ушедшего из жизни, и с тех пор пустует в доме красный угол. Никто не смеет занять почётное место главного члена семьи. Умер отец, но жива память о нем в сердце лирического героя.

Чтец 6.

В больших котлах помешивая солнце,
В брезентовой штормовке рыжий бог
То утренней зарёй в окно ворвётся,
То вдруг закатом выкрасит порог.
Он высекает радугу, как искру,
От древнего гигантского костра,
Где мы сидим друг к другу близко-близко
Ночь напролёт до самого утра.
И в переплясе, грозном и игривом,
Мне с каждым мигom чудится сильнее,
Как горький ветер раздувает гривы
Степных, тревожно скачущих коней.

А вдруг стихия вырвется упрямо,
Заполнит и мир весь, и меня?..
Но верю я в джигита, что арканом
Надёжно держит *красного коня*

2 ведущий.

В казахском языке есть устойчивое сочетание *красный конь (кызылат)*. В данном стихотворении красный цвет раскрывает этнические особенности не русской, а казахской культуры. Красный цвет в казахской культуре амбивалентен: он символизирует страсть, жизнь, энергию и, кроме того, кровь, войну. В стихотворении Вл. Шестерикова *красный конь* – олицетворение горячей молодости, силы и крепости.

1 ведущий.

Среди любимых и поэтизируемых в России цветов значимое место занимает золотой цвет. Россия может наделяться эпитетом *золотая* в стихотворениях русских поэтов. Например, у С. А. Есенина:

Звени, звени, *златая Русь*,
Волнуйся, неуёмный ветер!

Поэтизируется С. Есениным и русская изба:

Всё равно я остался поэтом
Золотой бревенчатой избы.

2 ведущий. В стихотворении Вл. Шестерикова «Пари над степью» *жаркое золото полей* – это богатые хлебные поля Северного Казахстана. Хлеб – этнозначимый образ в русской культуре. Издревле считался символом жизни, необходимым условием существования человека. Стихотворение проникнуто любовью, гордостью за родной город Петропавловск.

Чтец 7.

Красуйся, город Петропавловск,
Среди берёз, среди полей.
Пари над степью, словно парус,
Во славу родины моей.
Седой Ишим в степи широкой
Легенды древние хранит,
На стыке Азии с Европой

Мой город, как батыр, стоит.
На струнах времени недаром
В сказаньях песенной земли
Нам о кочевьях Кызылжара
Всю быль акыны донесли.
Нам прадеды в ладу и мире
Жить завещали на года,
Нас звали с давних пор: тамыры,
А это значит – навсегда.
И потому так ясны зори
Над жарким *золотом* полей.
Пари над степью, милый город,
Во славу Родины моей.

1 ведущий.

В русской культуре *синий цвет* – это самый духовный цвет созерцания космической дали, цвет веры и религии. *Синий цвет* выступает неизменным фоном текстов, в которых говорится о России.

Например, в стихотворении С. Есенина:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь...
Стережёт *голубую Русь*
Старый клён на одной ноге.

В стихотворениях Вл. Шестерикова родные североказахстанские просторы, подобно есенинской Руси, окрашены в *голубой цвет*.

Чтец 8.

Хоть метёт свирепо вьюга,
Нам все чудится вдали
Наше детство, запах луга,
Пар, идущий от земли.
И всё самое родное
Что с годами нам милей,
Ширь *простора голубого*
И печаль родных полей

2 ведущий.

По мнению доктора филологических наук, профессора З. П. Табаковой, *синий цвет* – главный цвет пейзажа у Вл. Шестерикова. Во многих стихотворениях поэта синий цвет пейзажа отражает внутреннее состояние героя. В стихотворении «На кургане» душа лирического героя ликует.

Чтец 9.

Ах, пролейся, степная синь,
На ладони степного ветра,
Задохнись горьким счастьем, полынь,
Чтоб запахло горечью лето.
Я за вами уйти готов,
Заповедные мудрые тропы...
Из глубинных далёких веков
Все мне чудится конский топот.
И я вижу сквозь тихий туман,
Что ветрами с озера сдунут,
Позабытый всеми курган
Со своей одинокою думой.
А над ним дни мятежно светлы,
На просторах, мечом рассечённых,
Навсегда догорают цветы,
Словно память о давних сечах.
И на землю, где жил я и рос,
Где шумели битвы и грозы,
Проливается нежность рос,
Словно в душу первые слёзы.

1 ведущий.

Лирический герой счастлив, потому что видит окружающую красоту, великолепие природы. В словосочетании *степная синь* мы можем ощутить проявление влияния казахской культуры на поэта. В стихотворении этноцвет русского народа *синий* представлен в сочетании с лингвокультуремой казахского народа *степь*, что свидетельствует о взаимопроникновении двух культур в творчестве Владимира Шестерикова не только на бытовом уровне, но и на уровне духовности, когда культура

становится синтезом многовековой мудрости и опыта двух народов.

2 ведущий.

На примере стихотворений североказахстанского поэта мы увидели, что поэтический мир Вл. Шестерикова – это этноментальный мир человека, выросшего в условиях взаимодействия культур и языков. Спасибо за внимание! До новых встреч!

**Круглый стол в форме интерактивного диалога
«Историко-философское осмысление «дороги столетий»
в творчестве Бахытжана Канапьянова»**

*Вновь по весне степной простор влечёт.
Сажусь в автобус я на маленьком вокзале.
Быть может, люди мне дорогу подсказали,
Быть может, птицы... Я не знаю, кто еще...*

Бахытжан Канапьянов

Цель: воспитание чувства патриотизма, любви к языку, культуры эстетического восприятия путём знакомства с творчеством казахстанского поэта Бахытжана Канапьянова.

Ход мероприятия

Слово ведущего

- Здравствуйте! Наше мероприятие посвящено творчеству казахстанского поэта Бахытжана Канапьянова. Бахытжан Канапьянов относится к поэтическому поколению, которое сформировалось в Казахстане в семидесятых годах 20-го столетия. «Это национальный казахский поэт, выросший в атмосфере русскоязычия»

Бахытжан Мусаханович Канапьянов родился 4 октября 1951 года в семье учителей в г. Кокшетау. После окончания средней школы поступил в Казахский политехнический институт. Защитив в 1974 году диплом инженера-металлурга, он начал трудовую деятельность в Институте металлургии

Академии наук Казахстана. Работая инженером-исследователем, опубликовал ряд научных статей, однако глубокая тяга к литературно-художественному творчеству побудила его поменять профессию и род деятельности.

Первые поэтические произведения Б. Канапьянова были опубликованы в журнале «Простор» в 1975 году. Затем стихи и поэмы публиковались во многих всесоюзных и республиканских газетах и журналах. Его стихи переводились на грузинский, малазийский, киргизский, таджикский, польский, финский, якутский, немецкий, корейский языки; на украинском и английском языках книги Бахытжана Канапьянова выходили отдельными изданиями в Киеве, Бостоне, Торонто и Лондоне. Б. Канапьянов является носителем двух национальных культур, он в полном объеме владеет и родным казахским языком, и русским. В лирике поэта проявляется взаимодействие казахской и русской лингвокультур. Наиболее ярко национальный характер народа отражается в лексическом составе языка. Элементы национальной культуры формируют ментальность человека. Понятия, передаваемые из поколения в поколение, которые имеют особую значимость для данного народа и представляют собой отражение культуры народа в слове, называются *лингвокультурами*. Так, например, лингвокультурами русского народа являются *белая и стройная берёза, русское поле, широкое и раздольное, земля-матушка, хлеб-батюшка и другие*. Лингвокультурами казахского народа являются *бескрайняя степь, конь, аул, ковыль, дастархан и другие*.

Казахстан является лингвистическим регионом, где взаимодействуют языки двух основных этносов, казахов и русских. Личность на рубеже двух культур формируется под воздействием культуры родного этноса, но испытывает и определенное влияние культуры другого народа. Использование в поэтическом тексте слов с инонациональными этнокультурными значениями свидетельствует о взаимодействии двух национальных лингвокультур – русской и казахской.

Этнопоэтизмы – это этнозначимые слова в поэтической речи. Примером этнопоэтизмов является нахождение в текстах русских поэтов лингвокультурем казахского народа.

В стихотворениях Бахытжана Канапьянова можно найти лингвокультуремы казахского и русского народов, смешение казахской самобытности и вынянчившей поэта русской культуры придаёт строке Канапьянова неожиданный привкус горечи и радости одновременно. На нашем внеклассном мероприятии у вас будет возможность убедиться в этом, самостоятельно проанализировав стихотворения поэта.

Ни один из казахских поэтов не исколесил земной шар так, как Канапьянов, но где бы он ни находился, он смотрит на все зоркими глазами уроженца степей. Казахский народ – это кочевой народ, устремлённый вперёд на зов души к степным бесконечным просторам. Поэт же расширяет горизонты своих предков, он кочует по просторам Вселенной.

«Путь» и «дорога» являются одними из базовых концептов в творчестве Бахытжана Канапьянова. Концепт – это основная единица культурной и межкультурной коммуникации. По мнению Ю. С. Степанова, концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё».

Семантическая структура концепта включает:

- понятие, которое совпадает с лексическим значением слова и может быть уточнено в толковом словаре;
- ментальное содержание, которое определяется национальными представлениями и описывается в лингвокультурологии. Каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо смыслового содержания ещё и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту. Концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности.

- Этническая составляющая не является обязательной для всех концептов и зависит от степени взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур;
- интеллектуальный компонент как отражение мировой культуры. [Табакова З.П., 2014: 96].

Важнейшей сферой, в которой происходит реализация потенциальных смыслов и развитие концептов, является художественное творчество. Для поэтического гипертекста в концепте обязательно отражение субъективно-авторского восприятия картины мира.

Поэтический текст передаёт восприятие окружающего мира через призму душевных переживаний поэта.

Как раскрываются концепты «путь» и «дорога» в творчестве поэта, мы узнаем на сегодняшнем меропрприятии.

Перед участниками круглого стола лежат тексты стихотворений Бахытжана Кананьянова.

Ведущий:

- Прочитайте стихотворение Б. Кананьянова «Вечер» и найдите лингвокультураны казахского народа, которые встречаются в данном стихотворении.

Ответ: В стихотворении «Вечер» встречаются лингвокультураны казахского народа: «конь», «ковыль», «курган», «юрта»);

...Белеет *юрта* ль под луною,
Мой *конь* спешит на голосок –
К кострам,
к жилью

и к водопою...

...Волной волнуется ковыль
У неразрытого *кургана*.

Значение юрты в жизни казаха огромно. В своё время Ч. Валиханов писал, что в XII-XIII вв. даже название государств Алтын орда (Золотая орда), Ак орда (Белая орда), Кок орда (Синяя орда) были связаны с юртой.

Толковый словарь Ожегова так определяет существительное юрта: «передвижное сборное жилище, изготовленное из дерева,

кошмы, войлока, тростника, выделенных шкур». Стремясь показать лучшие нравственные черты своего народа, Бахытжан Канапьянов местом действия своих героев выбирает юрту кочевника. Для Б. Канапьянова юрта – основа жизни и уклада казахского народа, его духовная обитель». Ковыль напоминает поэту о самом дорогом, что есть в жизни каждого человека, – о детстве. Ковыльные степи – символ Родного очага, дома, семьи.

Ведущий:

- Прочитайте стихотворение «А может быть плач поднебесья...». Какие лингвокультуры казахского и русского народов здесь можно найти?

Ответ: Апорт, горы – символы любимой поэтом Алматы; Рождественский огарок выступает этнопоэтизмом, т.к. Рождество – один из главных *христианских* праздников.

В первом катрене поэт пишет: «...*Я вижу – из южного детства / Свисающий с неба апорт*». Апорт – сорт яблони, которым всегда славилась южная столица Казахстана – Алма-Ата. В своих стихотворениях, говоря о любимой Алма-Ате, поэт всегда говорит и о яблоках, которые стали символом города. Так, например, в стихотворении «Ностальгия по детству»: «*Я родом из детства, где яблоки зноем налиты...*». В стихотворении «Алма-Ата»:

Алма-Ата, зелёный город мой,
К подножью *гор* прильнувшая столица,
Меня благословила в *путь* земной.
И детства сад опять в разлуке снится:
Вот *яблоко* свисает надо мной...

Алма-Ата, как мать, отправляя в «*путь земной*», благословляет своего сына, которому суждено пройти много дорог. В стихотворении «А может быть, плач поднебесья...» находим этнопоэтизм «*рождественская*»: «...*Рождественской свечи огарок...*». Рождество – один из главных *христианских* праздников. Праздники объединяют людей, способствуют познанию культуры других народов. Среди названий стихотворений поэта есть много лингвокультурем казахского народа: «Кюй «Урус-Султан», «Степь», «Кочевая звезда»,

«Таугуль», «Кюй», «Домбра», «Елик», «Подарок чабана», «Кюйши», «Отрар» и т.д. В стихотворениях поэта встречаются эпитафии не только известных казахских писателей и поэтов, но и русских. Так, например, эпитафией к стихотворению «Медный всадник» являются строки из одноименной поэмы А. С. Пушкина: *«Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой»*. В стихотворении «Плывут облака» – строки из памятника древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве»: *«О ветер, ветрило, чему, господине, / веешь навстречу?»*. Эпитафией к стихотворению «Столичный ветер» служат слова Осипа Мандельштама: *«Я не хочу средь юношей тепличных / Разменивать последний грош души»*. Всё это говорит о влиянии и взаимопроникновении двух культур.

Ведущий:

- А теперь посмотрим, как раскрываются концепты «путь» и «дорога» в творчестве поэта.

Ответ: В стихотворениях Б. М. Канапьянова «дорога» предстаёт в нескольких своих ипостасях: путь, тропа, перекрёсток, поворот, серпантин.

Тропа – узкая протоптанная дорожка [Толковый словарь русского языка: 813]. Перекрёсток – место пересечения дорог, улиц [Толковый словарь русского языка: 505]. Поворот – 1. Место, где поворачивают. *На повороте дороги*. 2. *перен.* Полное изменение в развитии чего-н., перелом [Толковый словарь русского языка: 529]. Серпантин – *перен.* Извилистая дорога в горах [Толковый словарь русского языка: 714].

Ведущий:

- Обратимся к пословицам и поговоркам русского и казахского народов, в которых мы встречаем концепты *дорога* и *путь*.

Ответ.

Русские пословицы:

В **дорогу** идти – пятеры лапти сплести.

Одному ехать – и **дорога** долга.

Нужный **путь** Бог правит. Бог **пути** кажет.

Не бойся **дороги**, были б кони здоровы.

Долог **путь**, да изъездчив.

Красна **дорога** ездоками (а обед пирогами).
Где **дорога**, там и **путь**. Где торно, там и просторно.
Попостись, помолись, да и в **путь** соберись!
[Русские пословицы и поговорки: 35].

Казахские пословицы:

Лучше вместе с народом блуждать, чем одному **дорогу** искать.
Десять человек оставляют следы на земле, сотня – протаптывает **тропу**, а тысяча – **дорогу**.

Иди прямой **дорогой**, если даже она длинней.

Дорогу одолеет тот, кто хоть и неторопливо, но идёт.

Смертью самый длинный **путь** кончается.

- Чем отличается понятие «дорога» от понятия «путь»?

Под концептом *дорога* понимаем место, по которому человеку предстоит пройти или проехать, под концептом *путь* – долгую дорогу или духовное становление человека.

Ведущий:

- Что общего и в чём отличие в понимании концептов «путь» и «дорога» у русского и казахского народов?

Ответ: И у русского, и у казахского народа с концептом *путь* связана человеческая жизнь, духовное и нравственное развитие человека.

В стихотворении «Шварцвальд» с дорогой связана вера в чудо, счастье, в сказку:

*...По дороге побреду,
Что ведёт до Оберкирха.
Стрекот газовой косилки,
Зреют яблоки в саду.
...По дороге побреду,
Сказку, может быть, найду...*

Шварцвальд (нем. Schwarzwald – «чёрный лес») – горный массив в земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии, где поэт бывал не раз. Обратим внимание на глагол «*побреду*», который употребляет поэт в своём стихотворении. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим такое определение: «Побрести – пойти куда-н. медленно двигаясь, бредя».

Ведущий:

- В каких произведениях устного народного творчества часто встречается глагол «побрести»?

Ответ: Этот глагол очень часто встречается в русских народных сказках. Например, в русской народной сказке «Глупый волк»: «...Голод не тётка, *побрёл* он дальше». В русской народной сказке «Иванушка-дурачок»: «...Налила полный горшок и дала ему в руки; *побрёл* он к братьям». Что доказывает влияние русской культуры на поэта.

Сам поэт называет себя «блудным сыном»:

*...Твой Третий Рим
Я весь
Искуrolесил...
...Ты слышишь, отче,
Я – твой блудный сын!*

Ведущий:

- Почему поэт называет себя «блудным сыном»? Откуда пошло это выражение?

Ответ: «Блудный сын» и «Третий Рим» в стихотворении являются отражением мировой культуры – *прецедентными выражениями*. Под «Третьим Римом» подразумевается Москва, представление о Москве как о Третьем Риме сложилось среди русских людей XVI века на почве политических и религиозных воззрений в связи с явлениями общеевропейской истории, а выражение «блудный сын» связано с евангельской притчей о блудном сыне. Лирический герой стихотворений Б. Канапьянова постоянно находится в пути, осваивая всё новые пространства, не только имеющие географические координаты, но и находящиеся в иной плоскости – в области бытия духа.

Ведущий:

- Прочитайте стихотворения «Причина, следствие – в итоге...», «Число» и докажите, что Бахытжан Канапьянов расширяет границы пространства в своих стихотворениях.

Ответ: Тема иной крайности, иного измерения в стихотворении «Причина, следствие – в итоге...»:

...Иную крайность порождает

*Земная крайность бытия,
Что души наши обжигает
Хаосом
древнего
огня.*

Расширение границ пространства мы видим и в стихотворении «Число»:

*...И сквозь иней на поверхность стелы
Выйдет образ прожитого дня.
**Визу мир иной – его пределы
Расширяют сферу бытия.)***

Бахытжан Канапьянов размышляет на философские темы, ищет ответы на вечные вопросы в стихотворениях «Поэт и обыватель», «Пришли неизвестно откуда...», «Ночная электричка».

Стихотворение «Пришли неизвестно откуда...» пронизано чувством печали, что подчёркивается эпитетами «последняя ссуда», «смутные года», «к последнему морю»:

*Пришли неизвестно откуда,
Уйдём неизвестно куда.
**Последняя выбита ссуда
На смутные эти года...**
...Быть может, к **последнему морю**
Выводит дорога судьбы...*

Поэт не знает, что ждёт его впереди, долг ли будет его жизненный путь, как не знает и того, откуда мы пришли и куда уйдём. Пытаясь приподнять завесу тайны, он обращается к гаданиям: во втором и третьем катрене встречаются лексемы «ворожба», «нагадали», «цыганка».

Ведущий:

- Почему поэт сравнивает с цыганкою свою музу?

*Ответ: ... Мелькнула **цыганкою** в шали*

***Бездомная** муза моя...*

Поэт неслучайно употребляет эпитет «бездомная» по отношению к своей музе, в уподоблении её цыганке мы видим

отражение образа жизни самого поэта – «кочевника с авиабилетом», постоянно путешествующего по всему миру).

Ведущий:

- С какой темой переплетается тема дороги в стихотворении «На горной дороге в тумане...»?

Ответ: Тема дороги связана с темой творчества, вдохновения. Творчество мы рассматриваем как духовный путь поэта:

*...На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку...*

Поэт подчёркивает, что строки рождаются в его голове произвольно, случайно:

*На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку...*

Поэту достаточно только взглянуть на прекрасные горы, на горную речку, столь стремительно несущуюся вперёд, – и вот уже перед нами – первые строки будущего стихотворения:

*Строфою рождается образ
И птицею бьётся в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.*

Любовь к горам, к природе прослеживается во всем творчестве Б. Канапьянова, отсюда и синкретизм поэзии и природного мира, когда образ «птицею бьётся в строфе». Окружающий мир «манит» поэта, влечёт, во время путешествий к автору приходит вдохновение, и поэтому он не перестаёт творить. Бахытжан Канапьянов расширяет пространственные границы поэзии, он знает, что его творчество способно увести далеко за пределы прочитанного текста: вызывая всё новые и новые ассоциации и размышления, оно способствует духовному росту читателей.

В стихотворении «Кочевая звезда» вновь звучит тема творчества. «Бесконечный бег» звезды сравнивается с «вечным кочевьем поэта»:

Звезда кочевая моя, твой бег бесконечен по сфере.

*Отражаешься вновь в ладонях моих, что
над спящим ручьём,*

Как будто бы знак световой о вечном кочевье поэта...

Ведущий:

- Посредством чего проявляется казахская ментальность в стихотворении «Кочевая звезда»? Почему поэт сравнивает себя с жеребёнком?

Ответ: В стихотворении находим лингвокультуремы казахского народа «кочевье» и «жеребёнок»:

...Слушаю музыку неба торжественно и молчаливо,

Испуганно, как жеребёнок, что потерялся в ущелье.

У казахов особое отношение к лошадям, в жизни казахского народа лошадь всегда играла большую роль, сравнение с жеребёнком в стихотворении – проявление казахской ментальности. Проявлением казахской ментальности является и употребление эпитета «кочевая» по отношению к звезде.

Тема дороги также связана с прошлым, с древностью, вековой историей:

Забыты дальние дороги,

Забыты древние пути...

Бахытжан Канапьянов размышляет о бренности бытия, стихотворение пронизано чувством тоски, уныния и безнадёжности: перед нами предстают потухший очаг, в котором не найти «искру жизни», «покинутая участь», «старость зыбкая». Поэту кажется, что он останется лишь «придорожной пылью», «кустом единственным в степи». Жизнь человека – это миг в вечности, поэтому, как считает Бахытжан Канапьянов, если «забыты древние пути», то и он обречён на забвение.

В стихотворении «Немой упрёк уничтоженью...» путь – хранитель вековой истории, который несёт тайные знания, ведёт к «пещерному граду»:

*...Боярышником,
дерёзою,
Шиповником в цветах оброс
Путь,
что тянулся вверх
грядую,
Века сминая под собою,
И – подаривший нам вопрос.*

Ведущий:

- Какие прецедентные слова использует поэт в стихотворении?

Ответ: При раскрытии концепта «путь» обнаруживаем множество прецедентных слов в стихотворении: пещерный град Чуфут-кале, кенассы, караим, Гирей, дервиши.

Чуфут-кале – средневековый пещерный город-крепость в окрестностях Бахчисарая. Кенасса – молитвенный дом караимов. Гирей – первый хан Крыма, основатель независимого Крымского государства и династии Гиреев.

Караимы – немногочисленная тюркская народность, традиционно исповедующая караизм. «Дервиш – мусульманский нищенствующий монах-аскет, факир» [Пушкин А. С., 1980: 161].

Находим в стихотворении и лингвокультуре казахского народа – *конь*.

Поэт сравнивает себя с дервишем – странствующим монахом, называет себя «последним караимом»:

*...Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.*

Однако поэт готов променять Крым, пещерный град Чуфут-кале, с его многовековой историей, на Москву-Третий Рим, чтоб найти там «линию судьбы»:

*...И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нём – линию судьбы найти.*

Степной простор всегда влечёт поэта. Обратите внимание на эпиграф к нашему внеклассному мероприятию:

Вновь по весне степной простор влечёт.

*Сажусь в автобус я на маленьком вокзале.
Быть может, люди мне **дорогу** подсказали,
Быть может, птицы... Я не знаю, кто ещё...*

Всё, что видит поэт в родной степи, вызывает у него приятные чувства: «Здесь улыбаюсь каждому кусту, / Полёт орла я провожаю взглядом». Орёл или беркут в миропонимании кочевников занимает особое место. Для степняков это символ свободы, независимости, стремления к цели, к высоте, полёт в будущее.

Поэтическая картина природы Бахытжана Канапьянова окрашена в тёплые и светлые тона. Художник с любовью рисует на своём полотне степь, природу. Картины внешнего мира и душевное состояние человека предстают в поэтическом тексте нерасчлененно. Магия стихов нередко оказывается сильнее непосредственного восприятия человеком красот природы. Человек может много раз видеть пробуждающуюся природу, но не воспринимать её эстетически. Эстетическое восприятие в человеке способна пробудить настоящая поэзия. Человек ищет своё начало не только во Времени. Есть и в Пространстве такая точка, такое место на земле, где горит родной очаг. Для поэта такое место – степь. В стихотворении «Родной очаг» поэт просит прощения у родного очага за то, что забывает о корнях. Но он знает, что это – его родной аул, здесь могила его отца, его предков, а значит, это – начало, которому нет конца:

*...Начало – здесь.
И нет ему конца.
И этот путь продолжен будет мной:
Встречать людей,
Стихи дарить,
И – жить!
Судьбой
Народу своему служить...*

В данном стихотворении перед нами вновь лингвокультурема казахского народа: «степь», «конь», «аул». Несмотря на то, что поэт признаётся в том, что забывает о корнях, мы видим, что его любовь к степи – вечна, любовь к

степи была впитана им с молоком матери, так же, как и любовь к своему народу, которому поэт хочет служить судьбой. И степь прощает и благословляет своего сына:

...Благословляет степь:

-Иди, сын мой!

Таким образом, несмотря на то, что Бахытжан Канапьянов так много путешествует и наслаждается красотами всего мира, мы понимаем, что в душе поэта всегда его Родина, которую он любит и которая навсегда останется в его сердце. Корни творчества Б. Канапьянова крепко связаны с родной землёй, с родной степью. Она – колыбель поэта, его любовь и боль.

Ведущий:

- Итак, в творчестве Б. Канапьянова концепты *дорога* и *путь* связаны с судьбою, памятью, вечностью, историей, волшебным миром, путешествиями, творчеством, родным очагом. Понятие «дорога» поэт чаще всего употребляет, говоря о путешествиях. Понятие пути шире, чем понятие «дорога». Даже когда поэт говорит о «дороге жизни», он имеет в виду *путь*. С концептом *путь* в творчестве поэта связаны **вечность, история и судьба**. Это глубоко философское осмысление пути народа позволяет поэту показать глубокие истоки народной памяти, своеобразие мировосприятия человека, ощущающего неразрывное духовное единство с природой родного края.

Литературно-музыкальный вечер «Не люблю ничего крикливого...», посвященный памяти североказахстанского поэта В. Шестерикова

Цель: формирование любви к родному краю, умения видеть и понимать красоту родной природы, чувства толерантности и уважения к культурным ценностям другого этноса путём знакомства с жизнью и творчеством североказахстанского поэта Владимира Шестерикова.

Ход мероприятия

Прекраснее музыки только тишина.

Поль Клодель

1 ведущий. (Звучит приглушенная музыка «звуки природы»)

- Здравствуйте, уважаемые гости! Мы рады приветствовать вас на нашем литературном вечере, посвящённом памяти известного поэта Северного Казахстана Владимира Георгиевича Шестерикова.

2 ведущий.

- Владимир Георгиевич Шестериков родился в 1939 году в совхозе «Чистовский», ныне район им. М. Жумабаева Северо-Казахстанской области. Детство его пришлось на военные и послевоенные годы, которым поэт посвятил многие свои стихотворения.

1 чтец:

Трава окопная ржавеет
На поле отгремевших битв,
В том сорок первом
подо Ржевом
Я не был в грозный час убит.
Горела рожь.
Дымились зданья.
Снаряды рвали *тишину*.
А мы родиться опоздали
С тобой на целую войну.
Нам не пришлось изведать ада,
Сражаясь насмерть той порой,
У стен стального Сталинграда,
Шагать в бессмертье под Москвой.
И с дерзкой огненной отвагой,
Которой хватит на века,
Автограф высечь на рейхстаге
Гранёным лезвием штыка.
Не довелось нам в порыжевших,
Но твёрдых строчках,
как гранит,

Живым поведать:
 подо Ржевом
Я в сорок первом был убит.

1 ведущий.

Владимир Шестериков посвятил многие свои стихотворения теме войны, нельзя не упомянуть самое проникновенное стихотворение «Плач матери». Это стихотворение адресовано не одной матери, а всем матерям, дети которых погибли на войне. Но это лишь поверхностное прочтение, если вдуматься в строчки стихотворения, то можно увидеть, что это Родина плачет по своим погибшим защитникам.

2 чтец.

Спи в покое вечном,
В шелесте травинок,
Милое сердечко,
Матери кровиночка.
Выйдет солнце светлое,
Застучат кузнечики...
Но не будет лета
У холодной вечности.
Ах, как небо синее
Слёзыньками вымыто...
Только, видно, сына
У судьбы не вымолить.
Смежены ресницы,
Тихий шорох лиственный...
Как тебе там спится,
Мальчик мой...
Единственный!
Не дождусь ответа,
Задыхнувшись болью,
Тишина...
Лишь ветер
Отпевает поле.
Душу бы согреть мне,

Но все чаще, чаще
Падают рассветы
В *тишину* кричащую.
Ну, проснись, мой ласковый,
Лишь тобой жива я...
Видно, только в сказке
Есть вода живая.

2 ведущий.

Владимир Георгиевич Шестериков в 1962 году окончил историко-филологический факультет Петропавловского педагогического института. Уже в студенческие годы начал писать стихи. Они были одобрены и рекомендованы в сборник произведений молодых писателей Северного Казахстана «Зори над степью», изданный в Петропавловске в 1960 году.

1 ведущий.

В. Г. Шестериков был главным редактором литературно-художественного журнала «Провинция», членом Союза писателей, заведующим отделом культуры, около полувека трудился в редакции областной газеты «Северный Казахстан». Он один из инициаторов создания в северном регионе республики литературно-художественного журнала «Нива», где был редактором отдела поэзии и прозы, членом редколлегии журнала.

2 ведущий.

Его стихи хорошо знают читатели Казахстана по поэтическим сборникам «Костры земли», «Острова в степи», «Катер на Ишиме», «Второе зрение», «Лиловые снега», «Мгновения», «Прощёное воскресение». В числе первых он познакомил читателей с жизнью и творчеством Магжана Жумабаева, по крупицам собирая сведения о великом казахском поэте. Результатом многолетнего поиска стали книги «Свеча в ураганной ночи», «Летящее пламя».

1 ведущий.

Большим вкладом в развитие культуры и истории родного края является книга Владимира Шестерикова «Петропавловск. Время. События. Люди», в которой поэт, историк и журналист,

рассказывает о прошлом города Петропавловска, о людях, внёсших свою лепту в историю города, страны. В этой книге содержатся очень интересные рассказы о том, откуда взялось название города, рассказ об участии наших земляков в войне 1812 года, о Петропавловске как месте ссылки, о петропавловской тюрьме.

Основные разделы книги:

1. Старая крепость
2. Город купеческий
3. В штормовом океане событий
4. Становление
5. Души прекрасные порывы – об искусстве и культуре Петропавловска
6. Город в лицах – все наши мэры, почётные граждане, учёные, деятели искусства, культуры и т.д. – наши земляки.
7. Петропавловск в названиях улиц – история улиц города.
8. В камне и бронзе – рассказы об исторических зданиях и памятниках
9. В легендах, былях – стихи и песни о городе, рассказы о произведениях, в которых упоминается наш город и отрывки из этих повестей.

3 чтец.

О город у крутого яра,
На склон ты входишь, как на трон,
Как крепость, сдерживая ярость
Степных кочевников – ветров.
Где в старину в иные страны
Верблюды, словно корабли,
Горбы качая, в караванах
С поклажею нелёгкой шли.

4 чтец.

И солонцы белели вязко,
Коней засасывая в грязь...
Но почему-то верю – сказка
Здесь у Ершова родилась.
В базарной сутолоке тесной

Он шёл, рядами ослеплён,
Сквозь белые чалмы и фески
Иных народов и племён...

5 чтец.

В сибирский град глухой наш сосланы,
Сюда, на самый край земли,
Тревожный дух Сенатской площади
Нам декабристы донесли.
Шумели битвы, грозы, сечи,
Сражений жарких вился дым.
Здесь шёл Колчак,
Здесь Тухачевский
Был командиром молодым.

6 чтец.

Манит нас здесь с ногтей младенческих
Эпох таинственная связь,
Причуды теремов купеческих
И деревянных кружев вязь.
Белеет церковь, словно парус,
Виднеясь нам издалека,
Живи и здравствуй, Петропавловск,
И славен будь во все века!

2 ведущий.

На рассвете 10 июня 1918года в числе двадцати двух большевиков в Пятом логу в Петропавловске была расстреляна восемнадцатилетняя Настя Прокофичева. Эта история не могла не вызвать сочувствия в сердце талантливого журналиста и поэта, и он написал проникновенное стихотворение, посвящённое этой девочке Насте.

7 чтец.

О чем мечтают в восемнадцать
В кружение утренней земли,
Когда спустя лишь миг раздастся,
Как горький выдох жизни:- пли!
Когда коса поёт тугая,
Движенья девичьи легки,

Когда рассветы смяв, шагают
По незабудкам сапоги.
Но выпрямляются, не сломаны
Цветы на дальних берегах,
Горька травинка в нецелованных
И чуть прикушенных губах.

8 чтец.

Ах, незабудки, незабудки...
Пролился в поле неба цвет,
Чуть наклониться в свежесть утра,
В последний раз нарвать букет.
Тихонько сунуть конвоюру
Записку маме и цветы...
А зори, что встают над миром,
Непогрешимы и чисты.
Но красоту земную сдунуть
Напрасно хочет Пятый лог.
Сейчас возьмёт на мушку юность,
Затвором щёлкает стрелок.

9 чтец.

Так значит не увидеть больше
С извечным трепетом в груди,
Как солнце пляшет в светлых рощах,
Как тихо падают дожди.
Не захлебнуться синим небом,
Чтоб закружилась голова...
...Идут в бессмертье, а не в небыль,
Чеканным шагом двадцать два.
На спину руки их заломлены,
Но выше смерти, крепче уз
«Вставай, проклятьем заклеймённый» –
Срывается с горячих уст.

10 чтец.

Что на прощанье крикнуть звонко
В траве скользящему лучу,
Когда холодные винтовки

Казачи вскинули к плечу?
Свинцом рассвет тяжёлый брызжет...
«Ра-а-вн-я-йсь!» –
Застыла вражья рать,
...Но есть мгновения у жизни,
Когда не страшно умирать.
В степи под выстрелы прицельные
Поплыл «Интернационал»...
Упала, обнимая землю,
И поднялась... на пьедестал

1 ведущий.

Владимир Шестериков – лауреат всесоюзной премии газеты «Сельская жизнь» за лучший очерк, трижды – республиканских премий Союза журналистов Казахстана, он награждён медалями «За освоение целинных и залежных земель», «За трудовую доблесть», Почётной грамотой Верховного Совета Казахской ССР, удостоен четырёх Почетных грамот акима области.

А сейчас музыкальная пауза (песня Владимира Трошина «Тишина»).

2 ведущий.

В своём творчестве Владимир Шестериков призывал читателей к сохранению духовных ценностей, таких как любовь, совесть, память, долг, ответственность, связь времён и т.д.

Большое внимание поэт уделял такой философской категории как *тишина*. *Тишина* является своеобразным «ключом» для раскрытия тайн эпохи и индивидуально-авторского стиля писателя. Люди по-разному воспринимают *тишину*: одни её ищут, а другие боятся. Первым она необходима, как воздух, для вторых она – грозный суд. *Тишина* – редкая гостья, но без неё не вырасти и не созреть душе.

Чтобы услышать свой голос и голос истины, нужна *тишина*. Но в нашем мире не бывает абсолютной *тишины*. Тиканье часов, капли дождя, дуновения ветра, шум проезжающих автомобилей, пение птиц, биение нашего сердца – все эти звуки постоянно присутствуют в нашей жизни. Но даже

относительная *тишина* становится тем необходимым толчком, который пробуждает в нас желание размышлять о своей жизни, окружающем мире.

1 ведущий.

Художники придумывают необыкновенные композиции для картин, писатели – замысловатые сюжеты для романов, а поэты – стихи про *тишину*. *Тишина* становится для Владимира Шестерикова явлением, которое может передавать боль и страдания, любовь и надежду, счастье и болезнь.

11 чтец.

Тишина.

И ветка не хрустнет.

Только тихо вздрогнет волна.

Сколько смысла

И сколько грусти

Ты таишь в себе, *тишина*.

Пусть порой *тишина* обманчива...

Только чутко ее хранят

Полусумрачный лес загадочный,

И горящий в полнеба закат,

И сверкающий луг ромашек,

И огромная синева,

И платок, что вслед тебе машет,

И невысказанные слова.

Не люблю ничего крикливого,

Пусть плывет и плывет *тишина*

Хороводами журавлиными,

Тихой сказкой зимнего сна.

Я желаю в век сверхактивный

Когда нервы напряжены,

И ветрам,

И винтам реактивным

Тишины,

Тишины,

Тишины.

Тишина

2 ведущий.

Владимир Шестериков был не просто талантливым журналистом, поэтом и историком, он был человеком, чья судьба была отнюдь не легка. Ещё в детстве Владимир Георгиевич сильно болел, ему поставили страшный диагноз – спондилит. Борьба с этим недугом потребовала от поэта колоссальных сил и терпения, но как истинный боец, он победил.

12 чтец.

Огни пристанционных зданий
Навстречу поезду летят...
Как на особое задание,
Собрался старший лейтенант.
В глухую полночь, как в бойницу,
Зачем- то пристально глядит.
...Везёт отец меня в больницу,
Диагноз грозен: спондилит.
Он смело дрался за планету,
От взвода требуя огня...
Но как спасти от лихолетья
Грозы невиданной – меня?
Бессильны тут его солдаты
В своём порыве боевом,
Никто не сможет лейтенанту
Помочь прицельным артогнём.
Ещё не спороты погоны,
Шинель затянута в ремни...
Всё перегоны, перегоны.
Пристанционные огни.
...Лязг буферов, составов грохот
Тревожно будят тишину,
Мы уезжаем на войну
С проклятой палочкою Коха!

1 ведущий.

У Владимира Шестерикова есть стихотворения, посвящённые его родным и близким. Очень трогательные и красивые стихи посвящены жене поэта.

13 чтец.

Благодарю за все, что было
У нас с тобой за тридцать лет.
За то, что мне казался милым
С тобою вместе белый свет.
За то, что мы, как хлеб делили
С тобой невзгоды пополам.
За то, что мы с тобой прожили,
Не замечая счёт годам!
Благодарю за свет лучистый
Из синих, словно небо глаз,
За первый вальс осенних листьев,
Что закружил по свету нас...
За верность ту, что ты хранила,
За радость светлую в груди...
Благодарю за все, что было,
И все, что будет впереди...

2 ведущий.

Стихотворение, посвящённое дочери, поэт озаглавил просто – «Родные корни». Этим названием поэт обращает внимание читателя на самое главное в жизни, на то, что где бы ты ни находился, ты всегда должен помнить родные корни.

14 чтец.

Нас с детства ветры странствий манят,
Но жизнь вверяет нас судьбе,
Так улыбнётся ли в Германии
Она от нас вдали тебе?
Да там, конечно, полный орднунг!
Всего в избытке. Просто рай.
У нас раздрай. Но будь же гордой-
Родных корней не потеряй!
Без наших зим, берёзок русских,
Полей бескрайних, журавлей.
Наверно, как у нас ни грустно,
И там не будет веселей.
Так помни: нет на свете лучше-

В краях далёких и чужих-
Страны Чайковского и Пушкина
И просто – прадедов твоих

1 ведущий.

Большое место в сердце поэта занимал его отец. С ним связаны стихотворения о войне, болезни, пример отца, его мужество и героизм помогали поэту на протяжении всей его жизни.

Ну что поделать, в самом деле,
Когда ему намного легче,
Дремать всю ночь не на постели,
А сидя, прислонившись к печи.
Он спал в такой же точно позе
Под нестерпимый вой фугасов,
Когда по ладожскому озеру
Вёз сутками боеприпасы.
Теперь он часто среди ночи,
В пороховые те – руля,
Стоная, яростно бормочет:
«А ну, правой держи руля!».
А лёд надтреснутый ломается,
Чернеет зыбкая вода,
...Отец с войны не возвращается
И...не вернётся никогда.

2 ведущий.

Поэтесса района Шал акына Татьяна Опперман написала стихотворение, посвящённое памяти Владимира Шестерикова «Песня жизни».

«Костры земли»...так быстро отгорели,
А он остался островом в степи,
Где детства родникового качели
Так помогали дальше всем идти.
Умел он так душою улыбнуться,
Чтобы светились души у других.
И с новой строчкой на заре проснуться,
Друзьям на память, оставляя стих.

Метут его «Лиловые снега»
И открывают в нас «Второе зрение».
Ушёл лишь человек. А на века
Остались жизни чудные мгновения.
Ушёл поэт. Писатель. Журналист.
И вместе с ним - уходит вдаль эпоха.
Опал ещё один кленовый лист.
Ещё одна звезда зажглась далёка.
И яркой точкой в небосклоне лет
Она светить и дальше будет людям.
Ушёл редактор. Журналист. Поэт.
Гореть строкой он долго – долго будет.

1 ведущий.

Подводя итог нашего вечера, хочется сказать огромное спасибо всем присутствующим и отдельное спасибо нашим участникам! Завершает наш литературный вечер песня в исполнении Людмилы Гурченко «*Тишина* за Рогожской заставою», проникнутая так же, как и прекрасные стихи Владимира Шестерикова, тонким лиризмом, вдумчивым, трепетным отношением к жизни, любовью к родному краю.

Список литературы

1. Афанасьев А. Мифы, поверья и суеверия славян. Т.1-3. М.: «Эксмо», СПб: «TIRRAFLNТASTIRA», 2002.
2. Бельгер Г. Лики слова. – Алматы, 1996.
3. Болдычева В. А. Традиция и язык как способы трансляции культуры // известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб. 2009. №12 (90). С.16-20.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Пер. с нем. Москва: Прогресс, 1985.
5. Журавлева Е. А. Взаимодействие языков в процессе формирования евразийской ментальности // Текст в системе обучения русскому языку и литературе / Под общ.ред. Е. А. Журавлевой, Ш. К. Жаркынбековой. – Астана, 2011. – С.53-58.
6. Журавлева Е. А. Национально-специфическое и универсальное в концептосфере русского языка Казахстана// Текст в системе обучения русскому языку и литературе/ Под общ.ред. Е. А. Журавлевой, А. Е. Агмановой – Астана, 2010. – С.230-239.
7. Канапьянов Б. М. Векзамеры. – Алматы, 2003.
8. Канапьянов Б. М. Новые стихи. – Алматы, 2003.
9. Канапьянов Б. М. Плывут облака. – М., 2003.
10. Канапьянов Б. М. Смуглая луна. Лирика. - Алматы: Атамұра, 2005.
11. Копыленко М. М., Ахметжанова З. К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. – Алма-Ата, 1994.
12. Красный угол в православном обычае. – Электронный ресурс: http://verapravoslavnaya.ru/?Krasnyi_ugol_-_alfavit
13. Кузнецов С. Общественность Петропавловска простилась с поэтом и журналистом Владимиром Шестериковым. – Электронный ресурс: <http://www.inform.kz/kaz/article/2274200>.
14. Курленья А. Ю. И верю я голосу свыше. – Петропавловск, Северный Казахстан, 2010.

15. Кшибеков Д. К. Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
16. Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов. – Алма-Ата, 1987.
17. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М., 1989.
18. Макарова О. В. Прагматилистический аспект лексики вкусового восприятия в лирике В. Шестерикова // Диалог культур на уроках русского языка и литературы (материалы региональной конференции). – Петропавловск, 2011. – С.20-25.
19. Мусатаева М., Шеляховская Л. Словообразовательный словарь тюркизмов. – Алматы; 1995.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986.
21. Пушкин А. С. Избранные сочинения в двух томах. Том первый. – М.: «Художественная литература», 1980.
22. Пушкин А. С. О народности в литературе. / Полн. собр. соч. в X томах. – М., 1976. Т. 1.
23. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988.
24. Северо-Казахстанская область, энциклопедия. – Алматы: Арыс, 2004.
25. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
26. Серов Н. В. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. – М: Речь, 2004.
27. Табакова З. П. Этнопоэтика в условиях взаимодействия лингвокультур // Русский язык в социально-культурном пространстве 21 века. Международная конференция МАПРЯЛ. – Алматы, 2001, с.49-50.
28. Табакова З. П. Лингвокультурология и этнопоэтика. – Петропавловск, 2004.
29. Табакова З. П. Этнопоэтика. – Петропавловск, 2008.
30. Табакова З. П. Этнопоэтика. Диалог культур и языков. – Германия: Palmarium Academic Publishing, 2014.

31. Табакова З. П. На рубеже лингвокультур // Вестник СКГУ, 2001, № 6. - С.14-22.
32. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003.
33. Фасмер М. Этимологический словарь // <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary>
34. Шестериков В. Г. Благодарю за всё, что было. Лирика разных лет. – Петропавловск. 2000.
35. Шестериков В. Г. Второе зрение: стихи. – Алма-Ата: Жазушы, 1983.
36. Шестериков В. Г. Катер на Ишиме. – Алма-Ата, Жалын, 1979.
37. Шестериков В. Г. Костры земли. – Алма-Ата: Жазушы, 1974.
38. Шестериков В. Г. Лиловые снега. – Алма-Ата: Жазушы, 1988.
39. Шестериков В. Г. Мгновения: библиотека журнала «Провинция». – Петропавловск: Северный Казахстан, 2007.
40. Шестериков В. Г. Прощёное воскресенье. – Петропавловск: Северный Казахстан, 2009 г.
41. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души». Русский язык в школе, 1996, №4.
42. Этимологический словарь русского языка. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004.

Содержание

Глава 1 Этническое в поэзии.....	3
Глава 2 Развитие лингвокультурологических компетенций на уроках русского языка.....	37
Глава 3 Научные проекты по проблемам диалога культур в творчестве североказахстанских поэтов.....	52
Глава 4 Культурно-массовые мероприятия по проблемам литературного краеведения.....	78
Список литературы.....	113

*Зинаида Петровна Табакова
Лариса Александровна Бочкова
Светлана Викторовна Мисяченко
Ирина Витальевна Оспанова*

ЭТНОПОЭТИКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

методическое пособие

Подписано в печать 24.08.2015 г. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Times. Ризография. Объем 7,2 усл.печ.л.
Тираж 30 экз. Заказ №176-05. Бумага книжно-журнальная.
Отпечатано в ИПО СКГУ им.М.Козыбаева.